

Научно-исследовательский центр «Иннова»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Сборник научных трудов по материалам
XVII Международной научно-практической конференции,
05 мая 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

С56

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

С56 СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ. Сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 05 мая 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. – 162 с.

В настоящем издании представлены материалы XVII Международной научно-практической конференции: «Современные тенденции развития науки: проблемы и перспективы в контексте глобальных вызовов», состоявшейся 05 мая 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных, естественных и других науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

© Коллектив авторов, 2026.

© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО

(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

ISBN 978-5-97873-002-9

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИНТЕГРАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И

ПРОЕКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ

УПРАВЛЕНИИ

Акбар Анай, Бугубаева Роза Олжабаевна

Байбосынов Серикжан Берикбаевич..... 6

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

АГРАРНОГО СЕКТОРА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Алаев Владимир Валерьевич 14

НОРМАТИВНО –ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Голушко Евгения Владимировна 20

ВЛИЯНИЕ ТРЕБОВАНИЙ БАЗЕЛЬ III НА ОПЕРАЦИИ РЕПО

КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ЕГО

ПРОЕКЦИЯ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК

Убушаев Арлтан Александрович..... 25

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Шабашов Никита Сергеевич 38

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО

МОДЕЛИРОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ

ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ОБЪЕКТА КАПИТАЛЬНОГО

СТРОИТЕЛЬСТВА

Воронова Софья Александровна 52

3D-МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ

РЕАЛЬНОСТИ (AR) В РЕКОНСТРУКЦИИ УТРАЧЕННЫХ

*ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ТРАДИЦИОННОЙ РОСПИСИ
ПО ДЕРЕВУ*

Жуйко Анастасия Максимовна..... 57

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВОЙ СТАТУС
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА*

Габбасова Ангелина Артуровна..... 65

ФИНАНСОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ КАК СУБЪЕКТЫ

АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ

КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Осемян Виктория Робертовна..... 72

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ

Чжао Хуэйхай..... 83

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СОГЛАШЕНИЯ ТРИПС

Чжао Хуэйхай..... 91

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В РЕГУЛИРОВАНИИ КРИПТОВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Чжоу Чун 98

ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКОЙ

Чжоу Чун 107

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ АТТЕСТАЦИИ

УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ

ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

Шиндин Дмитрий Иванович..... 115

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

КРЫЛЬЯ В ДЕТАЛЯХ: РАЗРАБОТКА ЭКСКУРСИИ-КВЕСТА В

СЕКТОРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА

Даитова Екатерина Викторовна..... 123

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖНЫХ

ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ

ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Негодяева Дарья Александровна..... 132

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИНГВИСТИКА

ЦВЕТ В АНАТОМИИ: КАК ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С

КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ФОРМИРУЮТ НАШ

ЯЗЫК ТЕЛА

Нозимова Манижа Махмадкосимовна 139

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ

МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ НА ЛАТИНСКОМ И РУССКОМ

ЯЗЫКАХ

Нозимова Манижа Махмадкосимовна 145

БОТАНИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА РАСТЕНИЙ

Холматова Мастурахон Юлдошевна..... 151

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ У

СТУДЕНТОВ

Щетинина Алёна Андреевна 157

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 352/354+338.24

ИНТЕГРАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ПРОЕКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Акбар Анай

докторант

Бугубаева Роза Олжабаевна

к.э.н., профессор

Карагандинский университет Казпотребсоюза, г. Караганда, Казахстан

Байбосынов Серикжан Берикбаевич

доктор PhD, профессор

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Республика Казахстан

***Аннотация.** Представленное исследование посвящено вопросу взаимосвязи между финансовой децентрализацией и проектным управлением в сфере государственного управления, с особым акцентом на Республику Казахстан. Цель исследования – доказать необходимость разработки механизмов, способствующих реализации проектного подхода в период повышения региональной финансовой автономии. Для достижения этой цели автор использует методы сравнительного и институционального анализа, а также практико-ориентированный анализ реализации государственных программ. Результаты показывают, что проектное управление может способствовать повышению эффективности использования бюджетных средств за счет сопоставления этих ресурсов с достигнутым результатом.*

***Ключевые слова:** финансовая децентрализация, проектный менеджмент, Казахстан, публичное управление, бюджетирование, эффективность*

В контексте возрастающей сложности социально-экономических систем и растущих требований к эффективности государственного управления подчеркивается важность реформирования методов распределения и использования финансовых ресурсов. Одним из таких методов является финансовая децентрализация. Этот подход предполагает укрепление способности местных административных единиц управлять финансовыми ресурсами.

В последние несколько лет Республика Казахстан проводит политику развития элементов финансовой децентрализации, направленных на укрепление автономии местных органов исполнительной власти. Децентрализация части налоговой базы и расширение полномочий акиматов (государственных органов) способствуют повышению гибкости административной деятельности в территориальном развитии.

Однако международный и национальный опыт показывает, что сама по себе децентрализация не гарантирует повышения эффективности. В некоторых случаях это может привести к фрагментации управления, плохой координации принятия решений и неэффективному распределению ресурсов. Поэтому важно внедрять механизмы, способствующие целенаправленному и контролируемому использованию финансовых ресурсов.

Здесь особенно важна роль проектного управления, позволяющего связывать ресурсы и результаты.

Главной особенностью финансовой децентрализации является перераспределение финансовых ресурсов и полномочий от высшего уровня власти к региональному и местному уровням власти. Основные цели этой процедуры — улучшение использования бюджетных средств, повышение подотчетности органов местного самоуправления и учет специфики территориального развития.

Исходя из теории фискального федерализма, можно подчеркнуть эффективное использование ресурсов с учетом специфики территориального развития. Также следует отметить усиление подотчетности государственных

органов и развитие конкуренции между регионами.

Кроме того, в научной литературе отмечается, что успех децентрализации зависит от таких факторов, как институциональный контекст, управленческая компетентность и инструменты контроля. Отсутствие таких инструментов создает риск неэффективного расходования средств, дублирования функций и непоследовательности в принятии решений.

Процесс финансовой децентрализации в Казахстане происходит постепенно. Он включает в себя децентрализацию источников доходов и расширение вариантов расходования средств для местных бюджетов. В частности, в связи с реформами местного самоуправления был создан еще один бюджетный слой (сельские округа).

Как показывает опыт Казахстана, без соответствующих инструментов контроля и планирования распределение бюджета осуществляется по инерции, без достаточного внимания к конечному результату.

Концепция управления проектами может рассматриваться как методологическая основа и набор инструментов, предназначенных для достижения конкретных целей в течение определенного периода времени с использованием ограниченных ресурсов. Управление проектами, как аспект управленческой практики, включает в себя постановку конкретных целей, разработку планов реализации, распределение задач и оценку результатов.

Основные характеристики этого подхода к управлению проектами:

- четкость целей и задач;
- сроки;
- бюджетные ограничения;
- количественные и качественные стандарты эффективности.

В отличие от процесс-ориентированного управления, управление проектами ориентировано на результат. Оно обеспечивает высокий уровень прозрачности в использовании ресурсов и хороший контроль за достижением целей.

В Казахстане элементы управления проектами начали применяться в

процессе реализации реформ государственного управления, включая реализацию государственных программ и национальных проектов.

В настоящее время переход к программно-ориентированному бюджетированию, в частности, к бюджетированию, ориентированному на результаты, особенно актуален. Например, в настоящее время реализуются инициативы по внедрению государственной программы «Цифровой Казахстан» и национальных проектов в сфере здравоохранения и образования, все из которых основаны на элементах проектно-ориентированного подхода.

Однако на практике реализация этого подхода оказалась несколько нестабильной.

Финансовая децентрализация создает институциональную среду, позволяющую принимать самостоятельные решения по распределению ресурсов, включая бюджетирование. В такой среде управление проектами является важным инструментом рационального распределения ресурсов.

Во-первых, проектно-ориентированный подход позволяет создавать системы управления распределением финансовых средств на основе определенных целей и задач. Во-вторых, он обеспечивает прозрачность и планирование реализации проекта. Наконец, использование концепций управления проектами повышает подотчетность, поскольку результаты измеримы.

Несмотря на сочетание двух подходов, их применение в Казахстане остается фрагментарным, но можно заключить, что их потенциал высок.

Во-первых, в регионах реализуются проекты развития инфраструктуры, финансируемые из местных бюджетов. Примером является модернизация городской инфраструктуры в крупных городах, таких как Астана, Алматы и Шымкент.

Во-вторых, в рамках проекта «Ауль – Эль-Бесиги», финансируемого из республиканского и регионального бюджетов, реализуются проекты развития сельских районов. В этом случае проектно-ориентированный подход позволяет увязывать финансирование с конкретными результатами, такими как

реконструкция дорог и создание социальной инфраструктуры.

В-третьих, внедрение цифровых платформ управления (например, электронного бюджетирования) способствует созданию предпосылок для повышения прозрачности реализации проектов.

Однако ряд препятствий по-прежнему сохраняется:

- отсутствие координации проектов с общей стратегией развития;
- неэффективность системы оценки эффективности проектов;
- низкий потенциал местных органов власти.

Финансовая децентрализация и управление проектами дополняют друг друга, поскольку финансовая децентрализация повышает потенциал управления, а управление проектами обеспечивает его эффективное функционирование.

Действительно, практическая реализация финансовой децентрализации и управления проектами осуществляется посредством разработки и реализации конкретных программ и проектов на региональном или местном уровне. Так, органы власти могут рассмотреть возможность формирования портфеля проектов по строительству инфраструктуры, повышению качества предоставления услуг или даже внедрению новых разработок.

Каждый проект характеризуется бюджетом, сроками и ожидаемыми результатами. Поэтому данная методология управления проектами позволяет эффективно планировать и контролировать использование ресурсов.

Однако правильный подход к управлению проектами также требует определенных навыков и методов, которые иногда могут выступать в качестве ограничивающего фактора.

Тем не менее, несмотря на все вышеперечисленные преимущества, сочетание финансовой децентрализации и управления проектами сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, низкий уровень профессиональной подготовки менеджеров, участвующих в проектной деятельности, может снизить их эффективность. Во-вторых, существует риск управленческого дрейфа, когда различные проекты не взаимосвязаны и не интегрированы в общую

стратегическую программу развития.

Наконец, недостаточные процедуры контроля приводят к ненадлежащему использованию средств. Таким образом, интегрированный подход к управлению проектами очень важен.

Однако, несмотря на вышеперечисленные преимущества, сочетание финансовой децентрализации и управления проектами сталкивается с рядом недостатков.

Во-первых, необходимо учитывать профессиональные навыки сотрудников. Отсутствие навыков управления проектами снижает эффективность этих инструментов.

Во-вторых, стоит отметить институциональную инерцию, связанную с доминированием традиционных методов управления.

В-третьих, проблема связана с формальностью, то есть проектный подход рассматривается лишь как инструмент отчетности.

Кроме того, децентрализация может вызывать проблемы координации на разных иерархических уровнях.

Все эти недостатки указывают на то, что подход к внедрению управления проектами должен быть тщательно продуманным и всесторонним.

Примеры из Казахстана показывают, что внедрение финансовой децентрализации без управления проектами неэффективно. Это не приводит автоматически к качественному улучшению уровня управления.

В свою очередь, существуют определенные препятствия, связанные с внедрением подхода к управлению проектами:

- инерция существующей административной системы;
- недостаточная подготовка сотрудников;
- формальность в использовании методов управления проектами.

Вопрос координации особенно важен для управления проектами в децентрализованной среде из-за высокого риска фрагментации.

Интеграция таких элементов требует системных изменений, в частности, развития проектной культуры, внесения поправок в законодательную базу и

усиления сотрудничества между различными уровнями.

Управление проектами и децентрализация являются неотъемлемыми частями современной системы государственного управления. В частности, децентрализация позволяет повысить независимость и мобильность, а управление проектами — эффективно реализовывать проекты.

Такое сочетание позволяет создать организационную структуру, ориентированную на достижение практических результатов.

Для повышения эффективности управления в Казахстане необходимы следующие меры:

- внедрение проектного менеджмента на всех уровнях государственного управления;
- интеграция проектного менеджмента в бюджетную систему;
- повышение управленческих навыков;
- координация проектов в рамках стратегического развития.

Эти шаги помогут создать ориентированную на результат систему управления.

Список литературы

1. Бочаров Д. В РК не реализован потенциал для проектного менеджмента / – [Электронный ресурс] – URL: <https://kapital.kz/experts/20618/v-rk-ne-realizovann-potentsial-dlya-proyektnogo-menedzhmenta.html> (Дата обращения 16.02.2025).

2. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Әділетті Қазақстанның экономикалық бағдары» атты Қазақстан халқына Жолдауы. 2023 жылғы 01 қыркүйек. – [Электрондық ресурс] – URL: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevtyyn-adiletti-kazakstannyn-ekonomikalyk-bagdary-at-ty-kazakstan-halkyna-zholdauy-18333>

3. Дмитриев Н.Д. Тенденции инновационного развития отечественных предприятий / Сборник тезисов докладов участников I Международной научно-практической конференции «Инновационные направления интеграции науки, образования и производства». Под общей редакцией Е.П. Масюткина. 2020. С.

322-324.

4. Вицелярова К.Н. Методика оценки эффективности и результативности проектов / ЕГИ. 2021. № 5 (37).

5. Церкаевич Л.В., Макаренко Е.А. Развитие влияния цифровизации на качество жизни населения / Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 4 (63). С. 68-78.

6. Поникаровских А.Е. Система управления проектами как инструмент повышения эффективности компании / Инновационные аспекты развития науки и техники. 2020. № 2.

УДК 338.43

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Алаев Владимир Валерьевич

аспирант

Научный руководитель: Нови Ирина Николаевна,

к.г.н., доцент

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»,

город Таганрог

***Аннотация.** В статье на примере Ростовской области показано, что формальное лидерство в рейтингах цифровизации не гарантирует реального внедрения технологий в аграрном секторе. С помощью PEST-анализа установлено: главным ограничителем выступают социально-кадровые факторы (дефицит специалистов и низкая цифровая культура управления), дополняемые экономическими и технологическими диспропорциями.*

Using the Rostov Region as an example, this article demonstrates that formal leadership in digitalization rankings does not guarantee the actual implementation of technologies in the agricultural sector. A PEST analysis revealed that the main constraints are socio-personnel factors (a shortage of specialists and a low digital management culture), coupled with economic and technological imbalances.

***Ключевые слова:** цифровизация сельского хозяйства, Ростовская область, PEST-анализ, барьеры инноваций, кадровый дефицит, цифровое неравенство*

***Keywords:** digitalization of agriculture, Rostov Oblast, PEST analysis, barriers to innovation, personnel shortages, digital inequality*

Ростовская область к 2025 году вошла в пятёрку российских регионов –

лидеров по уровню цифровизации агропромышленного комплекса (АПК). Здесь созданы геоинформационные системы, банки данных о плодородии почв, развиваются образовательные программы и выпускается отечественное оборудование.

Однако официальная статистика рисует иную, куда более противоречивую картину. На фоне роста числа организаций, использующих базовые цифровые инструменты (компьютеры, интернет), объём инвестиций в инновационную составляющую за 2023–2024 годы сократился на 24,3%. Количество пользователей облачных сервисов уменьшилось на 17,2%, а доля хозяйств, действительно внедряющих цифровые технологии (а не только имеющих доступ в сеть), едва достигает 7,7% [1]. Подобный разрыв между созданной инфраструктурой и реальной практикой заставляет искать системные причины такого положения. Цель настоящей работы – выявить и структурировать барьеры, сдерживающие цифровую трансформацию аграрного сектора региона.

Анализ региональных нормативных документов (в первую очередь, Стратегии социально-экономического развития до 2030 года) обнаруживает существенную институциональную недоработку. При том, что сельское хозяйство провозглашено «ключевой точкой роста», в тексте стратегии отсутствуют целевые показатели по внедрению конкретных цифровых технологий (беспилотники, интернет вещей, искусственный интеллект) в разрезе отраслей растениеводства и животноводства. Проблема цифровой инфраструктуры для АПК не выделена как отдельное ограничение, а рассматривается лишь как часть общего развития информационного общества.

Кроме того, три приоритетных проекта, заявленных в региональной стратегии цифровой трансформации (ГИС СХ РО, «АгроРост», интеграция с ФГИС «Зерно»), слабо увязаны с основной государственной программой «Развитие сельского хозяйства». Степень их ресурсного обеспечения не детализирована, что создаёт риски несогласованности. Отсутствуют также стандарты информационной безопасности и требования к совместимости программного обеспечения, из-за чего внедряемые в хозяйствах решения зачастую не могут быть инте-

гированы с государственными информационными системами. Самая уязвимая группа – малые формы хозяйствования: все проекты ориентированы либо на нужды государства (мониторинг, контроль), либо на крупный агробизнес [2].

Экономические барьеры остаются наиболее ощутимыми для конечных пользователей. Приобретение систем точного земледелия, ERP-платформ, дронов и навигационного оборудования требует капиталовложений, которые для средних и малых хозяйств имеют неприемлемо длительный срок окупаемости (более 5–7 лет) [3]. Крупные агрохолдинги («Степь», «Прогресс Агро») могут себе это позволить, пользуясь эффектом масштаба, но для остальных инвестиции попросту недоступны [4].

Однако анализ структуры задолженности выявляет парадоксальную ситуацию: три четверти кредитного портфеля отрасли (65,8%) приходится именно на займы, причём просрочка по ним практически отсутствует (0,1%) [1]. Это означает, что кредиты получают только крупные и финансово устойчивые хозяйства. Малые же формы, сталкиваясь с барьерами доступа к заёмному финансированию, вынуждены наращивать кредиторскую задолженность перед поставщиками (99,9% всей просрочки), по сути, кредитуясь у контрагентов на кабальных условиях. Ещё один тревожный сигнал – при росте числа организаций, отчитывающихся о внедрении цифровых технологий, общий объём затрат на цифровизацию в расчёте на одно предприятие снизился на 24,3% за год [1]. При этом расходы на оборудование сократились, а на услуги связи выросли. Отрасль перешла от этапа первичного оснащения к этапу оплаты текущих услуг – но не к комплексной трансформации.

Наконец, нестабильная экономическая конъюнктура (засухи 2024–2025 годов, низкие закупочные цены, импортозависимость) привела к тому, что сумма убытка сельхозорганизаций области достигла 17 млрд руб. – почти в 5 раз выше уровня 2020 года. Доля убыточных предприятий поднялась до 25,5% [1]. Финансово несостоятельные хозяйства в первую очередь урезают инновационные расходы, что в перспективе лишь снижает их устойчивость.

Социально-кадровый блок сегодня является «критическим звеном». Де-

фицит специалистов с цифровыми компетенциями в сельской местности региона оценивается в 30–40% от потребности [3]. Особенно остро не хватает операторов дронов, агрономов-аналитиков, специалистов по точному земледелию. Молодые квалифицированные кадры предпочитают работу в городах, а программы подготовки в аграрных вузах зачастую отстают от быстро меняющихся технологий.

Добавим к этому демографическое старение села. За 2000–2024 годы численность сельских жителей Ростовской области сократилась на 103 тыс. человек (7,2%). Ещё тревожнее возрастная структура: разрыв между долей молодёжи 20–29 лет в городе и на селе превышает соотношение 1:3. Численность жителей села старше трудоспособного возраста в 2,6 раза больше, чем когорта 20–29 лет [1]. Через 10–15 лет ожидается массовый выход на пенсию значительной части занятых, и заместить их будет нечем. По заявлениям вице-спикера Госдумы, до 90% молодёжи покидает отрасль, а 70% работников АПК области – старше 50 лет.

Проблема неравномерного покрытия интернетом сельских территорий известна давно. Федеральная программа «Устранение цифрового неравенства» долгое время была ориентирована на населённые пункты с численностью 100–500 человек, тогда как многие сельхозобъекты находятся в более крупных сёлах. Лишь с 2025 года верхняя граница поднята до 1000 человек, но это всё равно оставляет «белые пятна». Установка базовых станций не решает проблему для удалённых полей, где требуется связь для беспилотников и телеметрии. К тому же региональная стратегия не предусматривает отдельного финансирования для подключения производственных объектов АПК, перекладывая эту задачу на бизнес.

Положение усугубляется состоянием основных фондов: за 2010–2024 годы число тракторов сократилось на 28,3%, нагрузка пашни на один трактор выросла до 310,7 га, а степень износа достигла 46,5% [1]. Устаревшую технику практически невозможно интегрировать в цифровые системы управления. Проблемы совместимости разных цифровых платформ (ФГИС «Зерно», «Семено-

водство», региональные ГИС, коммерческие системы) заставляют хозяйства многократно дублировать ввод данных. Ассоциация фермеров прямо заявила, что дальнейшее увеличение числа разрозненных систем без их интеграции может привести к массовому закрытию малых хозяйств.

Таким образом, при наличии мощного аграрного потенциала, передовой инфраструктуре и высоких мест в рейтингах, реальная глубина цифровизации остаётся крайне низкой. Ключевые ограничения лежат не столько в технической или финансовой плоскости, сколько в социально-кадровой. Старение сельского населения, отток молодёжи, дефицит ИТ-компетенций, сопротивление изменениям на уровне управления и, как следствие, символические расходы на обучение тормозят процесс. Экономические и технологические барьеры вторичны, но они усугубляют ситуацию. Преодоление этих системных препятствий возможно лишь при одновременной реализации институциональных, финансовых и образовательных мер, адаптированных под нужды малых форм хозяйствования.

Список литературы

1. Ростовская область в цифрах 2024: статистический сборник / Ростовстат. – Ростов-на-Дону, 2025. – 677 с.
2. АККОР: сбором данных во ФГИСы должны заниматься консультационные службы: [интервью с председателем АККОР Ростовской области А. Родиным] /Furazh.ru: сайт. – 2025. – 14 октября. – URL: <https://www.furazh.ru/n/15826> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Шейхова М. С. Региональные особенности и перспективы развития цифровых технологий в агропромышленном комплексе Южного федерального округа / М. С. Шейхова, С. Г. Сафонова / Управленческий учет. – 2025. – № 2. – С. 393–398.
4. Кайгородова К. Цифровизируй, чтобы жить: как технологии меняют сельхозпроизводство на Юге / К. Кайгородова / Эксперт ЮГ: сайт. – 2024. – 19 августа. – URL: <https://expertsouth.ru/articles/tsifroviziruy-chtoby-zhit-kak-tekhno>

logii-menyayut-selkhozproduktstvo-na-yuge/?sphrase_id=10703607 (дата обращения: 17.04.2026).

5. Ежегодная потребность АПК Ростовской области в кадрах доходит до 2 тыс. человек / Milknews: сайт. – 2025. – 11 февраля. – URL: <http://milknews.ru/index/kadry-abramchenko-rostov.html> (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 336.201

НОРМАТИВНО –ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Голушко Евгения Владимировна

к.э.н доцент

Пятигорский институт (филиал), СКФУ

Российская Федерация, город Пятигорск

***Аннотация.** В статье представлен анализ нормативно правовых актов, регулирующих современный бухгалтерский учет. Были рассмотрены основные факторы, которые затрудняют работу бухгалтера, а также выявление возможных путей их решения. Целью данной работы является исследование основных проблем бухгалтерского учета в быстро развивающемся мире. Основные задачи исследования: анализ существующих проблем, изучение влияния представленных проблем, формулирование рекомендаций для бухгалтеров.*

The article presents an analysis of accounting problems in modern conditions. The main factors that complicate the accountant's work were considered, as well as the identification of possible ways to solve them. The purpose of this work is to study the main problems of accounting in a rapidly developing world. The main objectives of the study are to analyze existing problems, study the impact of the presented problems, formulate recommendations for accountants.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, законодательство, налоговый кодекс, бухгалтер

Keywords: Accounting, legislation, Tax Code, accountant

Возникновение учета связано с хозяйственной деятельностью человека. В течение первых тысячелетий развивался униграфический учет (простая бухгалтерия), который воспроизводил факты хозяйственной жизни в тех единицах из-

мерения, в которых они возникали.

С момента возникновения бухгалтерского учета и по сей день, он постоянно видоизменяется: развиваются технологии, появляются новые методы учета, появляются новые законы и нормативные акты, меняются международные стандарты, усложняются финансовые инструменты. Скорость изменений продолжает нарастать, первые 20 лет XX-го века принесли больше перемен, чем весь XIX век. На сегодняшний момент масштабные изменения происходят каждые 10 лет, а в Налоговый Кодекс России вносят изменения чуть ли не каждый день.

В связи с этим работа бухгалтер не одна из самых простых, специалисту необходимо всегда следить за изменениями федерального стандарта бухгалтерского учета и за положениями бухгалтерского учета, а также повышать свою компетентность и профессиональные навыки.

Чтобы в этом убедиться, стоит всего лишь посмотреть изменения в бухгалтерском учете, которые вступили в силу в 2024 год:

– Федеральный закон «О внесении изменений в первую и вторую часть налогового кодекса» № 263-ФЗ от 14.07.2022. Организации и ИП должны перечислять налоги и взносы единым налоговым платежом на единый налоговый счет, ввелась новая отчетность о начислениях ЕНП, поменялись правила по взысканию неуплаченных налогов, а также правила, по которым налог можно считать уплаченным.

– Федеральный закон «О внесении изменений в первую и вторую часть налогового кодекса» № 225-ФЗ от 28.06.2022. Установили особенности налогообложения при реализации соглашений о защите и поощрении капиталовложений.

– Федеральный закон «О внесении изменений в первую и вторую часть налогового кодекса» № 263-ФЗ от 14.07.2022. Изменились сроки сдачи отчетности по налогу на прибыль и зафиксировали в Налоговом кодексе срок уплаты налога.

– закон № 321-ФЗ от 14.07.2022 закон. Расширился список имущества, по

которому можно применять повышенный коэффициент к основной норме амортизации.

- закон № 263-ФЗ от 14.07.2022. Изменили срок уплаты НДС в бюджет.
- закон № 323-ФЗ от 14.07.2022. Установлены ставки акцизов до 2025 года
- ЕД-7-21/53 от 28.01.2022. Заполнять форму, формат и порядок заполнения декларации по налогу на имущество надо по обновленным образцам.
- закон № 382-ФЗ 29.11.2021. Внесены изменения в правила установления дифференцированных ставок по налогу на имущества властями регионов.
- закон № 263-ФЗ от 14.07.2022 Изменили даты уплаты авансовых платежей и налога при УСН по итогам года, а также временной промежуток подачи декларации.
- закон № 47-ФЗ от 09.03.2022. Поменялся перечень видов деятельности для ИП на патенте.

И это еще не весь список законов, которые вступили в силу в 2023 году всего приняли 33 закона, которые необходимы для соблюдения в бухгалтерском учете. А уже в 2023 году были приняты новые изменения в законе, которых было 32, которые уже надо дополнительно учитывать в 2024. К изменениям относятся:

- закон № 389-ФЗ 31.07.2023 С 1 января работодатели должны платить НДФЛ и подавать уведомления в два приема, но в рамках одного месяца.
- закон №159 от 28.04.2023. Увеличился размер социальных вычетов от дохода с 2024 года.
- № ЕД-7-11/649 от 19.09.2023. Надо заполнять, новую, измененную форму расчета 6-НДФЛ
- ФСБУ 28/2023 от 13.01.2023 вступает в силу новый порядок ведения инвентаризации
- с 1 января 2024 года увеличился размер МРОТ, что влияет на размер пособий и среднего заработка, а также на расчет заработной платы работника.
- закон № 389 ФЗ от 31.07.2023. Новое обложение доходов дистанционных работников, а также увеличение компенсации за использование оборудова-

ния.

В 2024 году начали применять ряд новых изменений в законе, которые вступят в силу в 2025 году. Уже принятые к исполнению законы:

– С 1 января 2025 года вступят в силу положения Налогового Кодекса России о цифровом рубле. Появится определение термина – «счет цифрового рубля»,

– 9 февраля 2024 года вступил в действие Приказ ФНС от 19.12.2023, утвердивший новый формат УПД и счета-фактуры,

– с 1 марта 2024 года электронные доверенности оформляются по новому формату 5.02,

– с 1 января 2025 года вступают в силу изменения в ст. 147, 164, 165 НК РФ, разрешающие применять нулевую ставку НДС при реализации физлицам товаров с зарубежных складов,

– с 2025 года вступит в силу новая статья 140.1 НК РФ «Особенности рассмотрения жалобы в упрощенном порядке», что позволит ускорить рассмотрение жалоб.

Одна из причин — это соответствие современным реалиям, например закон о цифровом рубле, могли ли бухгалтера еще 10 лет назад представить, что этот закон будет необходимостью, возможно совсем скоро повсеместно надо будет вести бухгалтерскую деятельность, непосредственно связанную с цифровой валютой.

Вторая причина заключается, с одной стороны в упрощении системы бухгалтерского учета, связанного также с желанием полностью его автоматизировать, но пока бухгалтера незаменимы им надо пристально следить за всеми изменениями, которые с одной стороны могут упростить их работу, а с другой стороны усложнить их деятельность, потому что это ведет за собой подготовку новых документов.

Третья причина связана со способствованием облегчения деятельности организаций, на непродолжительный промежуток деятельности, связанный с кризисными ситуациями, или на долгосрочную перспективу.

Четвертая причина заключается в социальном факторе, принятые законы способствуют помощи физическим лицам, такие законы как увеличение МРОТ, изменения в расчете НДФЛ, увеличение социальных вычетов.

Все эти причины несут за собой последствие, которые заключаются в нехватке квалифицированных специалистов. Это является барьером для развития бухгалтерского учета. Не все сотрудники, имеющие уже определённый опыт, готовы использовать новые технологии и составлять документацию по новым стандартам. Так как необходима практика, которая научит применять теоретические знания в настоящих ситуациях в бизнесе, а также даст понять какие навыки наиболее необходимы в выбранной области, а какие знания еще предстоит освоить [3; 5167].

Для того чтобы всегда оставаться квалифицированным специалистом, можно посещать семинары и проходить узкоспециализированные курсы. Поэтому бухгалтеру всегда следует быть внимательным, быстро адаптироваться в меняющихся условиях, а также повышать профессиональные навыки и моментально применять новые знания на практике.

Список литературы

1. Бухгалтерский учет: учебное пособие / авт.-сост. Н. Н. Илышева, Е. Р. Синянская, О. В. Савостина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.— 156 с.
2. История развития бухгалтерского учета, анализа и аудита: учебный комплекс/ авт.-сост. Л. Ф. Жилинская, Т. А. Жилинская- Минск: «Современная школа», 2023 – 392 с.
3. Grechkina T.V., Golushko E. V., Galcheva D.D., Krasnyuk L.V., Kosinova E.A. FEATURES OF ACCOUNTING PROCESS ORGANIZATION THE COSTS AT THE SANATORIUM COMPLEXES/ Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences. 2019. T. 6. № 3. С. 5165-5171
4. <https://www.consultant.ru/> - Правовая база «Консультант Плюс»

УДК 336.71

ВЛИЯНИЕ ТРЕБОВАНИЙ БАЗЕЛЬ III НА ОПЕРАЦИИ РЕПО КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ЕГО ПРОЕКЦИЯ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК

Убушаев Арлтан Александрович

магистрант

Научный руководитель: Ковалева Наталия Алексеевна,

к.э.н., доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние международных стандартов банковского регулирования Базель III на операции РЕПО коммерческих банков. На основе эмпирических исследований рынков США и Великобритании проанализированы эффекты введения коэффициента левеиджа и норматива краткосрочной ликвидности на структуру, объёмы и ценообразование сделок РЕПО. Сформулированы практические выводы для коммерческих банков и регулятора.*

The article examines the impact of Basel III international banking regulatory standards on repo operations of commercial banks. Drawing on empirical studies of the US and UK markets, the effects of the leverage ratio and the liquidity coverage ratio on the structure, volume, and pricing of repo transactions are analysed. Practical conclusions are formulated for commercial banks and the regulator.

***Ключевые слова:** Базель III, РЕПО, коэффициент левеиджа, норматив краткосрочной ликвидности, центральный контрагент, банковское регулирование, Банк России, фрагментация рынка, обеспечение, ликвидность*

***Keywords:** Basel III, repurchase agreement, leverage ratio, liquidity coverage ratio, central counterparty, banking regulation, Bank of Russia, market fragmenta-*

tion, collateral, liquidity

Глобальный финансовый кризис 2007–2009 годов выявил критические уязвимости банковского сектора, связанные с чрезмерным финансовым рычагом, недостаточным качеством капитала и хроническим дефицитом ликвидности у крупнейших институтов. Ответом международного регуляторного сообщества стало принятие пакета реформ Базель III, разработанного Базельским комитетом по банковскому надзору. Реформа предусматривала повышение требований к достаточности и качеству капитала, введение коэффициента левериджа (Leverage Ratio, LR), а также двух нормативов ликвидности — норматива краткосрочной ликвидности (Liquidity Coverage Ratio, LCR) и норматива чистого стабильного фондирования (Net Stable Funding Ratio, NSFR).

Особую актуальность приобрело изучение последствий новых требований для сделок РЕПО (Repurchase Agreement). Этот сегмент денежного рынка играет ключевую роль в обеспечении краткосрочной ликвидности банковской системы, в трансмиссии денежно-кредитной политики, а также в формировании цен на государственные облигации. РЕПО является одновременно низкомаржинальной и капиталоемкой деятельностью с точки зрения требований Базель III. Сделки с практически безрисковым обеспечением увеличивают знаменатель коэффициента левериджа, поскольку он рассчитывается без учёта риск-весов. Стандарты Базель III воздействуют на рынок РЕПО через три основных регуляторных канала, действующих одновременно и иногда в противоположных направлениях.

Первый канал — коэффициент левериджа (LR). В отличие от рисковзвешенных нормативов достаточности капитала, коэффициент левериджа не использует риск-весов и рассчитывается как отношение капитала первого уровня к совокупным балансовым и внебалансовым позициям банка. Минимальное значение, рекомендуемое Базельским комитетом, составляет 3 %, для глобальных системно значимых банков США установлен повышенный порог 5 %, а в Великобритании — 3,25 % за вычетом резервов в центральном банке [3]. Принципиальная особенность LR заключается в том, что любое расширение баланса

— даже под обеспечение высококачественными активами — увеличивает регуляторную нагрузку. Поскольку прямое РЕПО увеличивает баланс банка, оно облагается «капитальным сбором», что приводит к так называемому эффекту долгового навеса [2].

Второй канал — норматив краткосрочной ликвидности (LCR). LCR требует, чтобы банк располагал достаточным объёмом высоколиквидных активов (ВЛА, или HQLA), способных покрыть чистый отток денежных средств за 30 дней стрессового сценария. Активы делятся на категории: L1 (нулевой дисконт — резервы в центробанке, государственные облигации), L2A (дисконт 15 %), L2B (дисконт 25–50 %) и прочие активы (дисконт 100 %) [2]. Сделки обратного РЕПО под низкокачественное обеспечение со сроком более 30 дней снижают LCR, поскольку «связывают» ликвидность на срок, превышающий горизонт стресс-теста.

Третий канал — рисковзвешенные нормативы достаточности капитала. Хотя они также влияют на РЕПО, их эффект, как правило, оказывается менее значимым, так как РЕПО под обеспечение государственными облигациями имеет нулевой или близкий к нулю риск-вес. Именно поэтому LR оказывается «связывающим» ограничением для большинства крупных банков-дилеров, что подтверждается исследованиями Allahrakha и соавторов [1].

Совокупное действие этих каналов создаёт сложную систему стимулов: банки одновременно мотивированы сокращать общий объём РЕПО, наращивать долгосрочные обратные РЕПО под высококачественное обеспечение для пополнения буфера ВЛА, но избегать долгосрочных обратных РЕПО под низкокачественное обеспечение [2]. Результатом становится фрагментация рынка по ценам, срокам и качеству обеспечения.

Исследование М. Аллахрахи, Дж. Сетины и Б. Муньяна, опубликованное в *Journal of Financial Intermediation*, посвящено анализу последствий введения дополнительного коэффициента левириджа (Supplementary Leverage Ratio, SLR — американская реализация LR Базель III) для рынка трёхстороннего РЕПО США [1]. Авторы используют метод «разности разностей», сравнивая поведе-

ние брокеров-дилеров, аффилированных с банковскими холдинговыми компаниями и подпадающих под SLR, с поведением небанковских дилеров, не подпадающих под этот норматив.

Ключевыми датами анализа являются 7 июня 2012 года, первый проект правила SLR, и последующие итерации регулирования. Зависимая переменная — ежедневный объём финансирования через трёхстороннее РЕПО, разбитый на четыре группы обеспечения: казначейские облигации США, ипотечные облигации федеральных агентств, акции и корпоративные облигации.

По результатам исследования сформулированы три основных вывода [1].

Во-первых, банки-дилеры, материнские структуры которых находятся ниже целевого порога SLR 3,5 %, значительно сокращают совокупный объём РЕПО, причём это сокращение в наибольшей степени затрагивает РЕПО под обеспечение «безопасными» активами — казначейскими и ипотечными облигациями. Гипотетический банк-дилер, материнский SLR которого оценивается в 2,5 %, по оценкам авторов сокращает совокупное РЕПО на 360,2 млн долларов в день. Одновременно фиксируется рост РЕПО под обеспечение более волатильными активами — например, на 57,1 млн долларов в день для того же гипотетического банка [1].

Во-вторых, эффект SLR не является чисто переходным: даже после того, как банк выходит на требуемый уровень показателя, он продолжает демонстрировать поведение, направленное на снижение объёмов балансоёмких операций. Для всех американских, аффилированных с банковскими холдинговыми компаниями, подпадающих под SLR, после анонсирования правила объём прямого РЕПО снизился в среднем на 77,98 млн долларов в день, в том числе под обеспечение казначейские облигации США — на 56,34 млн, под ипотечные облигации — на 44,23 млн, при росте РЕПО под акции — на 19,52 млн долларов в день [1]. Это свидетельствует о структурном изменении бизнес-модели крупных банков-дилеров.

В-третьих, наблюдается ярко выраженный эффект миграции активности — небанковские дилеры увеличили совокупное прямое РЕПО в среднем на

42,59 млн долларов в день, причём прирост сосредоточен в сегменте безопасного обеспечения, которое банки-дилеры были вынуждены сокращать. Концентрация трёхстороннего РЕПО-рынка снизилась, а число активных небанковских дилеров возросло [1].

Эти результаты имеют принципиальное значение: хотя цель Базель III — снижение системного риска — формально достигается на уровне банковского сектора, часть рисков мигрирует к нерегулируемым или менее регулируемым институтам. Кроме того, изменение структуры обеспечения у банков-дилеров ставит под сомнение тезис о том, что «не основанные на риске» нормативы всегда снижают совокупный риск банковского сектора.

Работа Э. Гербы и П. Катсулиса, опубликованная в *International Journal of Finance & Economics*, дополняет картину, исследуя британский рынок РЕПО под обеспечение государственными облигациями за период 2016–2020 годов с использованием данных Банка Англии [2]. В отличие от американского исследования, авторы анализируют не только влияние LR, но и совместное воздействие LR, LCR и норматива достаточности капитала, что позволяет получить более полную картину фрагментации рынка.

В первой части исследования тестируется гипотеза о том, что коэффициент левериджа порождает фрагментацию рынка по ценам, побуждая банки взимать более высокие ставки по неттированным сделкам по сравнению с неттированными. Логика основана на том, что неттирование, когда РЕПО и обратное РЕПО с одной контрагентом, на одну дату и срок взаимозачитываются, позволяет уменьшить балансовый эффект сделок и, соответственно, нагрузку на LR. Эмпирические результаты подтверждают эту гипотезу: снижение запаса до требования по LR на 1 п. п. увеличивает превышение ставки обратного РЕПО над базовой ставкой Банка Англии для неттированных сделок на 0,1 базисного пункта больше, чем для неттированных, причём как в двустороннем, так и в централизованно клиринговом сегментах [2].

Во второй части исследования проверяются две гипотезы относительно LCR:

1) банки увеличивают долгосрочные более 30 дней обратные РЕПО под обеспечение государственными облигациями для пополнения буфера ВЛА;

2) банки сокращают долгосрочные обратные РЕПО под низкокачественное обеспечение для предотвращения связывания ликвидности.

Обе гипотезы подтверждаются: в централизованно клиринговом сегменте при снижении запаса по LCR на 1 п. п. долгосрочные обратные РЕПО под обеспечение облигаций растут на 1 % больше, чем краткосрочные. Одновременно банки, наиболее близкие к регуляторному минимуму LCR, сокращают долгосрочные обратные РЕПО под низкокачественное обеспечение на 4,7 % больше относительно краткосрочных при снижении запаса по LCR на 1 п. п. [2].

Особый интерес представляют результаты анализа стрессовых периодов — кризис на американском рынке РЕПО в сентябре 2019 года и пандемический шок в марте 2020 года. В эти периоды разброс ставок по неттированным и неттированным сделкам в двустороннем сегменте резко возрос, что подтверждает усиление эффекта фрагментации в условиях стресса. Использование Банком Англии Contingent Term Repo Facility в марте 2020 года позволило сократить разницу в ставках по неттированным сделкам у банков-получателей помощи дополнительно на 4,5 базисных пункта [2]. Это эмпирически демонстрирует, что вмешательство центрального банка может частично нивелировать негативные эффекты регуляторных требований, но порождает проблему морального риска.

Главный вывод британского исследования — Базель III приводит к комплексной фрагментации рынка РЕПО: по ценам, по срокам и качеству обеспечения, а также по сегментам. Эта фрагментация может усиливать дестабилизацию рынка государственных облигаций в стрессовые периоды и подрывать трансмиссию монетарной политики.

Российский рынок РЕПО характеризуется рядом существенных особенностей, отличающих его от рынков США и Великобритании. Во-первых, он в гораздо большей степени централизован вокруг Московской биржи и Нацио-

нального клирингового центра (НКЦ), выполняющего функции центрального контрагента (ЦК). По итогам 2024 года объём операций РЕПО с ЦК составил 40,1 трлн рублей, объём операций РЕПО с клиринговыми сертификатами участия (КСУ) — 39,8 трлн рублей; общий объём денежного рынка достиг 110,0 трлн рублей при среднедневном объёме 5 трлн рублей [4]. Во-вторых, на рынке доминируют краткосрочные сделки: на биржевом сегменте сделки сроком 1 день составляют 63–66 %, сделки сроком 2–7 дней — 29–30 % [5].

Структура обеспечения существенно отличается от англо-американских рынков. По данным Московской биржи за 2022 год, обеспечением по сделкам РЕПО с ЦК выступали ОФЗ и облигации Банка России (39 %), КСУ (31 %), прочие облигации (23 %), акции и депозитарные расписки (8 %). Облигации остаются доминирующей залоговой базой [6]. Это означает, что российский рынок РЕПО значительно более «безопасен» с точки зрения качества обеспечения, чем американский трёхсторонний рынок.

Регулирование операций российских коммерческих банков основано на стандартах Базель III, имплементированных Банком России с учётом национальной специфики. Ключевые нормативы, релевантные для рынка РЕПО, представлены в таблице 1.

Таблица 1 — Нормативы Базель III, применяемые в Российской Федерации

Норматив	Минимальное значение	Применение к РЕПО
H1.1(достаточность базового капитала)	4,5 %	Применяется ко всем активам, включая РЕПО, с риск-весами
H1.2 (достаточность основного капитала)	6,0 %	То же, с учётом капитала
H1.0 (достаточность собственных средств)	8,0 %	Совокупный норматив
H1.4 (норматив финансового рычага, аналог LR)	3,0 %	Расчёт без учёта риск-весов; РЕПО облагается полностью
H26 / H27 (НКЛ, до 2026 г. — базельский LCR)	100 % (с переходом на ННКЛ с 2026 г.)	Влияет на выбор срока и обеспечения обратных РЕПО

Источник: составлено автором на основе [7, 8, 9].

Норматив H1.4 (норматив финансового рычага) является прямой имплементацией коэффициента леввериджа Базель III и представляет собой отношение

капитала первого уровня к совокупным балансовым и внебалансовым активам без учёта риск-весов. Минимальное значение — 3 %, что соответствует базельским рекомендациям [7, 8]. Для системно значимых кредитных организаций (СЗКО) Банк России может устанавливать повышенные требования.

Норматив краткосрочной ликвидности в России (Н26 — групповой, Н27 — индивидуальный) применялся к 13 СЗКО с 2016 года в соответствии с Положением Банка России № 510-П. В 2022–2023 годах в условиях санкционного давления Банк России предоставлял послабления по соблюдению норматива, а с 1 марта 2024 года вернул требование к соблюдению на уровне 100 % [10]. С 2025 года начался переход к национальному нормативу краткосрочной ликвидности (ННКЛ), полное соблюдение которого на уровне 100 % требуется с 1 января 2026 года [11, 12]. ННКЛ откалиброван на данных российских банков и предусматривает более реалистичный сценарий стресса по сравнению с базельским подходом, что в среднем даёт банкам прибавку более 25 п. п. к значению норматива [12].

Перенос выводов зарубежных исследований на российскую практику требует учёта существенных институциональных различий. Тем не менее, представляется возможным выделить ряд закономерностей, релевантных для российского рынка.

Влияние норматива Н1.4 на ценообразование РЕПО. Поскольку норматив финансового рычага Н1.4 рассчитывается без учёта риск-весов, операции РЕПО с ОФЗ — несмотря на нулевой кредитный риск — увеличивают знаменатель этого норматива. Для крупнейших СЗКО, балансы которых исчисляются десятками триллионов рублей, это создаёт значимый стимул для оптимизации балансоёмких операций, особенно в конце отчётных. Можно ожидать, что российские банки, как и их западные аналоги, будут активнее использовать механизмы неттирования сделок РЕПО, что в России облегчается доминирующей ролью НКЦ как центрального контрагента. Действительно, доля РЕПО с ЦК в структуре российского рынка возросла с момента появления этого инструмента и продолжает расти: в 2024 году рост сегмента РЕПО с КСУ значительно опе-

режал общий рост денежного рынка [4].

Эффект миграции активности к небанковским участникам. В США исследование Allahrakha и соавторов выявило значительный приток небанковских дилеров на рынок РЕПО, замещающих банки, ограниченные SLR. В России картина существенно иная: основная доля сделок РЕПО приходится на кредитные организации — резиденты РФ и некредитные организации — резиденты РФ [5, 13]. Сегмент небанковских участников рынка РЕПО, брокерские компании, управляющие компании биржевых ПИФ денежного рынка, активно растёт, особенно в 2023–2024 годах, что отчасти связано с увеличением спроса со стороны розничных инвесторов через БПИФ денежного рынка [4]. В отличие от США, где небанковские дилеры заместили банковских в сегменте безопасного обеспечения, в России рост активности небанковских участников происходит преимущественно на рынке РЕПО с КСУ — сегменте, который и был спроектирован для эффективного управления залогом.

Влияние норматива краткосрочной ликвидности на структуру обратных РЕПО по срокам. Согласно выводам исследования Gerba и Katsoulis, LCR стимулирует увеличение долгосрочных обратных РЕПО под высококачественное обеспечение и сокращение долгосрочных обратных РЕПО под низкокачественное. Применимо ли это в России? С одной стороны, российский рынок РЕПО является преимущественно краткосрочным (более 90 % биржевых сделок — на срок до 7 дней), что ограничивает выраженность эффекта по сравнению с британским рынком, где доля долгосрочных сделок выше. С другой стороны, переход на ННКЛ с 2026 года вводит более точно откалиброванные стимулы. Расширение перечня высоколиквидных активов в составе ННКЛ, в том числе с учётом особенностей внутреннего рынка, может изменить структуру спроса на обратные РЕПО в централизованно клиринговом сегменте. В частности, можно ожидать роста интереса СЗКО к долгосрочным операциям обратного РЕПО под обеспечение ОФЗ для целенаправленного формирования буфера ВЛА [11, 12].

Фрагментация ставок по неттированным и неттированным сделкам. В российских условиях этот эффект менее выражен, чем в Великобритании, по

двум причинам. Во-первых, доминирующая роль НКЦ обеспечивает массовое неттирование сделок, что нивелирует ценовую разницу. Во-вторых, рынок двустороннего РЕПО без ЦК относительно невелик, по итогам первого квартала 2024 года порядка 5 % сделок заключено в рамках Генерального соглашения СРО НФА против 87 % — в рамках Биржевого стандарта [5]. Тем не менее, для нерезидентов и для отдельных классов обеспечения ценовая дифференциация в пользу неттированных сделок будет проявляться в полной мере.

Особенности российского контекста: санкционный режим. С 2022 года на российский банковский сектор оказывает давление беспрецедентный санкционный режим, изолирующий российские банки от международных рынков капитала и создающий специфические шоки ликвидности. В этих условиях соблюдение базельского НКЛ стало существенно более сложным, что и привело к временным послаблениям, а затем — к разработке национального норматива ННКЛ. С точки зрения проекции западного опыта это означает, что прямое сопоставление эффектов LCR между российским и зарубежным рынком требует осторожности. ННКЛ, по оценкам Банка России, в среднем соответствует базельскому НКЛ на уровне 80 %, что означает фактическое смягчение требований [11, 12].

Таким образом, для коммерческих банков целесообразно совершенствовать процедуры оптимизации показателя финансового рычага Н1.4 за счёт активного использования механизмов неттирования через ЦК. По мере приближения отчётных дат банкам следует учитывать возможные эффекты при ценообразовании РЕПО для клиентов. При формировании структуры обратных РЕПО следует учитывать стимулы, создаваемые ННКЛ: долгосрочные обратные РЕПО под ОФЗ становятся более привлекательным инструментом формирования буфера ВЛА, тогда как долгосрочные обратные РЕПО под низкокачественное обеспечение должны контролироваться с учётом их влияния на норматив. Также банкам следует учитывать конкуренцию со стороны небанковских участников рынка и адаптировать продуктивное предложение.

Для регулятора. Опыт Великобритании и США показывает, что примене-

ние нормативов Базель III к рынку РЕПО может приводить к росту фрагментации, особенно в стрессовые периоды. В этой связи представляется целесообразным:

1) развивать инструменты экстренного предоставления ликвидности по образцу британского CTRF, способные оперативно нивелировать эффекты ограничения балансоёмких операций;

2) мониторить миграцию активности к небанковским участникам с точки зрения системного риска;

3) при последующих калибровках ННКЛ учитывать, что слишком жёсткие требования могут стимулировать банки к избеганию долгосрочных обратных РЕПО под низкокачественное обеспечение, что снижает финансовую инклюзию для эмитентов второго и третьего эшелонов;

4) сохранять и развивать инфраструктуру централизованного клиринга, которая является ключевым фактором устойчивости российского рынка.

Проведённый анализ показал, что Базель III оказывает многоканальное и неоднозначное воздействие на рынок РЕПО. Эмпирические исследования рынков США и Великобритании демонстрируют, что коэффициент леввериджа сокращает совокупный объём РЕПО-активности банков, переориентирует структуру обеспечения от безопасных к более волатильным активам и вызывает миграцию активности к небанковским дилерам. Норматив краткосрочной ликвидности порождает фрагментацию рынка по срокам и качеству обеспечения. Совокупно эти эффекты могут как снижать системный риск (через оздоровление балансов банков), так и увеличивать его (через миграцию к нерегулируемым институтам и фрагментацию рынка в стрессовые периоды).

Российский рынок РЕПО, несмотря на структурные отличия от англо-американских — высокую долю централизованного клиринга через НКЦ, доминирование ОФЗ и КСУ в качестве обеспечения, краткосрочный характер большинства сделок и санкционный режим, — также демонстрирует чувствительность к требованиям Базель III. Норматив финансового рычага Н1.4 создаёт стимулы к оптимизации балансовых операций; норматив краткосрочной лик-

видности формирует структуру спроса на обратные РЕПО по срокам и обеспечению.

Дальнейшее совершенствование российского регулирования с учётом международного опыта требует баланса между стандартами Базельского комитета и национальной спецификой, что нашло отражение в разработке ННКЛ. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической оценкой эффектов ННКЛ на структуру российского рынка РЕПО после его полного введения в 2026 году, а также с анализом долгосрочного влияния санкционного режима на роль РЕПО в трансмиссии денежно-кредитной политики Банка России.

Список литературы

1. Allahrakha M., Cetina J., Munyan B. Do higher capital standards always reduce bank risk? The impact of the Basel leverage ratio on the U.S. triparty repo market / *Journal of Financial Intermediation*. — 2018. — Vol. 34. — P. 3–16.

2. Gerba E., Katsoulis P. The repo market under Basel III: Effects of capital and liquidity regulations on market fragmentation / *International Journal of Finance & Economics*. — 2025. — Vol. 30, № 3. — P. 2724–2744.

3. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems. — Basel: Bank for International Settlements, 2011. — 77 p.

4. Московская биржа подвела итоги торгов в декабре 2024 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.moex.com/n76855> (дата обращения: 03.05.2026).

5. Исследование российского рынка РЕПО за 1 квартал 2024 года [Электронный ресурс] / Национальная финансовая ассоциация. — URL: <https://nfa.ru/news/glavnye-novosti/issledovanie-rossiyskogo-rynka-repo-za-1-kvartal-2024-goda.html> (дата обращения: 03.05.2026).

6. Группа «Московская Биржа»: рынок облигаций [Электронный ресурс]. — URL: <https://bondguide.moex.com/articles/overview-bond-market/1> (дата обращения: 03.05.2026).

7. Инструкция Банка России от 29.11.2019 № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией».
8. Положение Банка России от 04.07.2018 № 646-П «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»)
9. Положение Банка России от 03.12.2015 № 510-П «О порядке расчета норматива краткосрочной ликвидности («Базель III») системно значимыми кредитными организациями».
10. Информационное сообщение Банка России от 23.11.2023 о возвращении норматива НКЛ к уровню 100 % с 1 марта 2024 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 03.05.2026).
11. Национальный норматив краткосрочной ликвидности для СЗКО: порядок расчета [Электронный ресурс] / Банк России. — URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=26840> (дата обращения: 03.05.2026).
12. Системно значимые банки начнут соблюдать новый национальный норматив краткосрочной ликвидности с 30 октября [Электронный ресурс] / Банк России. — 2025. — URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 03.05.2026).
13. Исследование российского рынка РЕПО за 2 квартал 2024 года [Электронный ресурс] / Национальная финансовая ассоциация. — URL: <https://nfa.ru/news/glavnye-novosti/issledovanie-rossiyskogo-rynka-repo-za-2-kvartal-2024-goda.html> (дата обращения: 03.05.2026).
14. Duffie D. Financial regulatory reform after the crisis: An assessment / Stanford University Working Paper. — 2016.
15. Committee on the Global Financial System. Repo Market Functioning. CGFS Papers. — Basel: BIS, 2017.

УДК 330

**ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ
РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА**

Шабашов Никита Сергеевич

аспирант

Научный руководитель: Коростелкина Ирина Алексеевна,

к.э.н., профессор

НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
город Москва

***Аннотация.** В статье рассматриваются принципы формирования доходной и расходной частей бюджета, роль налоговых поступлений, влияние социально-экономических факторов и национальных проектов на бюджетное планирование. Особое внимание уделено оценке устойчивости бюджета с использованием коэффициентов изменчивости, среднеквадратического и линейного отклонений, индекса устойчивости и коэффициента рангов Спирмена. Представлена методика количественной оценки устойчивости уровней и тенденций динамических рядов статей бюджета, позволяющая выявлять критические статьи, прогнозировать изменения доходов и расходов, а также повышать эффективность бюджетной политики. Рассмотрены ограничения и преимущества различных показателей устойчивости, включая индекс корреляции, для анализа влияния внешних и внутренних факторов на доходную часть бюджета региона.*

***Ключевые слова:** региональный бюджет, доходы, расходы, экономико-статистические методы, прогнозирование, коэффициент устойчивости, индекс устойчивости, коэффициент Спирмена, колеблемость, бюджетная по-*

литика, финансовое планирование, динамика бюджета

Бюджетное планирование на уровне субъекта федерации подчинено задачам поддержания и координации социально-экономического развития территории. При подготовке проектных показателей расчеты нередко строятся на базе ранее сложившихся параметров, то есть исходят из принципа «от достигнутого».

Региональные бюджеты обеспечивают финансовую основу деятельности органов управления на местах и позволяют перераспределять средства между отраслями хозяйства в соответствии с приоритетами территории. Одновременно через них осуществляется контроль за финансовыми потоками и хозяйственными результатами подведомственных учреждений. Их назначение связано и с социальной политикой: посредством таких бюджетов стремятся снижать безработицу, поддерживать образование и улучшать условия труда населения.

Бюджетное планирование охватывает две взаимосвязанные операции: предварительную оценку объема денежных поступлений на очередной финансовый год и плановый период, а также последующее распределение этих ресурсов по заранее заданным направлениям расходования. Формирование доходной части бюджета обычно опирается на анализ динамики основных источников поступлений и их удельного веса за предшествующие периоды. Именно такая аналитическая база позволяет затем строить прогнозные расчеты и подготавливать модель будущих доходов. Однако при составлении бюджета недостаточно исходить лишь из ранее зафиксированных показателей и уже сложившейся структуры доходов. Требуется учитывать возможные сценарии дальнейшего развития, поскольку на объем поступлений способны воздействовать и внешние экономические, и социальные факторы.

Применение экономико-статистических методов анализа и прогнозирования доходов и расходов регионального бюджета является ключевым элементом эффективного финансового планирования на региональном и муниципальном уровнях. В основе такого планирования лежит бюджетное правило, позволяющее определить объемы бюджетных ресурсов, их источники и целевое назначе-

ние [16, с. 80].

Формирование сводных параметров регионального бюджета опирается на предварительную оценку ожидаемых бюджетных показателей. При этом горизонты не совпадают: сводное планирование охватывает более длительный период, а бюджетное прогнозирование ограничено текущим циклом, как правило одним годом. Однако многие показатели сводного финансового баланса включают бюджетные статьи, поэтому при составлении перспективного финансового баланса выполняются прогнозные расчеты ключевых бюджетных показателей [7, с. 178].

Регламентация деятельности по формированию и исполнению бюджетных планов в Российской Федерации осуществляется рядом нормативно-правовых актов, включая Конституцию РФ [1], Бюджетный кодекс РФ [2], Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» [3] и методические рекомендации по долгосрочному бюджетному планированию. В последние годы проведена серия реформ управления государственными и муниципальными финансами, охватывающих бюджеты всех уровней, что позволило создать автоматизированные системы учета и контроля, включая Государственную интегрированную информационную систему управления финансами «Электронный бюджет», цель которой - повышение прозрачности и подотчетности органов власти и улучшение финансового менеджмента [15, с. 2].

Прогноз бюджета формируется как совокупность допущений о вероятной динамике доходов и расходов. Его составляют с учетом уже выявленных экономических и социальных тенденций, а также ожидаемых условий исполнения бюджета, основываясь на реальных расчетах и обоснованных предположениях о движении основных статей доходов и расходов. Прогнозирование также включает систему научно обоснованных оценок возможных результатов, а также достижение намеченных ориентиров требует не ограничиваться формулированием целей, а задействовать совокупность управленческих, общественно-экономических и финансовых инструментов. Применение сценарного моделирования позволяет строить прогноз развития региона по нескольким возмож-

ным траекториям, включая варианты, связанные с реализацией национальных проектов [11, с. 22].

В экономической науке применяются различные экономико-статистические методы анализа и прогнозирования доходов и расходов регионального бюджета:

Планирование бюджета в данном подходе строится с опорой на нормы закона и подзаконные акты: именно они фиксируют рамки возможных доходных поступлений и одновременно ограничивают направления, по которым допускается распределение бюджетных средств.

Прогнозная оценка формируется не только по данным фактической статистики, но и с учетом экспертных суждений. К такой работе привлекаются специалисты, чьи выводы относятся к экономике, финансам, налогообложению, а также к вопросам социально-экономического развития региона.

Индексный метод использует показатели динамики цен, уровня жизни населения и реальных доходов для выполнения прогнозных расчетов доходных и расходных статей бюджета [14, с. 19].

Балансовый метод строится на анализе соотношения доходов и расходов регионального бюджета и применяется при составлении планов и прогнозов финансовой деятельности.

Метод бюджетирования ориентирован на результативность, связывая планирование расходов с ожидаемыми социально-экономическими эффектами.

Метод экономического анализа предполагает комплексное исследование региональной экономики с учетом отраслевой и территориальной структуры, что позволяет прогнозировать доходы и расходы бюджета на макро-, мезо- и микроуровнях.

Метод экстраполяции строит на изучении цикличности доходов и расходов региона в прошлые периоды, выявленные тенденции затем переносят на оценку следующего временного интервала.

Программно-целевой метод включает разработку бюджетного плана, исходя из приоритетных целей социально-экономического развития региона, с

подбором эффективных инструментов и ресурсов для их достижения.

Сценарный метод моделирования предполагает построение нескольких моделей развития социально-экономических процессов региона с учетом возможных рисков и неопределенностей, что позволяет корректировать бюджетные прогнозы при изменении внешних или внутренних условий.

Эти методы обеспечивают системный подход к анализу и прогнозированию бюджетных показателей региона, повышают точность планирования и позволяют учитывать влияние экономических, социальных и демографических факторов на формирование доходной и расходной частей бюджета.

Особое внимание при планировании доходной части бюджета уделяется налоговым поступлениям, которые формируют более 80% консолидированного бюджета. Прогнозные расчеты налоговых доходов учитывают изменения в налоговой политике и уровень деловой активности налогоплательщиков, что напрямую влияет на стабильность бюджетных поступлений.

Упорядоченная и внутренне согласованная динамика бюджетных доходов и расходов относится к числу условий, без которых затрудняется устойчивое экономическое развитие как отдельного региона, так и национальной экономики в целом. Наиболее остро эта проблема проявляется в тех субъектах, где органы власти обладают возможностью самостоятельно формировать бюджетную политику, однако ее параметры заметно определяются отраслевой структурой хозяйства и природно-климатическими особенностями территории. При этом бюджетная устойчивость не сводится к механическому сохранению прежних пропорций и объемов. Ее содержание связано с таким ростом доходной и расходной базы, который сопровождается повышением благосостояния населения и расширением производства потребительских благ. [9, с. 43].

По отдельным категориям доходов и расходов снижение их доли в бюджете не всегда указывает на ухудшение его состояния. В ряде случаев такой сдвиг, напротив, допустимо рассматривать как признак устойчивости, если он обусловлен структурной перестройкой экономики, сокращением спроса на соответствующие направления финансирования либо переходом к более эффек-

тивными заменителям. Поэтому оценка стабильности бюджетного развития требует развернутого статистического анализа: необходимо определить показатели устойчивости для доходной и расходной частей, проследить их динамику и выявить причины, влияющие на течение бюджетных процессов. Это позволяет определить ключевые направления повышения устойчивого развития регионов и страны.

Под «устойчивостью бюджета» целесообразно понимать такое состояние региональных финансов, при котором поступления в казну не подвержены резким колебаниям в пределах месяца, квартала и года. Существенен и иной признак: доходная база должна не просто сохраняться, а последовательно расширяться, создавая предпосылки для поступательного хозяйственного развития. Одновременно бюджет обязан обеспечивать финансирование расходов в объеме, достаточном для поддержания более высокого уровня жизни населения и нормального воспроизводства ресурсов. Тем самым «устойчивость бюджета» связывается прежде всего с доходами, их положительной динамикой, относительной защищенностью от неблагоприятных факторов и способностью покрывать принятые обязательства для выполнения социально-экономических задач региона [13, с. 56].

Для оценки устойчивости бюджета региона необходимы количественные показатели, которые позволят измерить как уровни доходов и расходов, так и тенденции их изменения во времени. Изучение бюджетных статей опирается на статистические и экономические методы. При таком анализе сопоставляют изменения доходов и расходов по абсолютным и относительным величинам, а также оценивают разброс и нестабильность данных во времени, что позволяет точнее судить об устойчивости бюджета и прогнозировать его развитие на основе выявленных закономерностей.

Использование экономико-статистических методов анализа и прогнозирования доходов и расходов бюджета позволяет повысить точность планирования, выявить критические статьи, требующие корректировки, и выработать рекомендации для совершенствования бюджетного процесса, обеспечивая авто-

номность исполнения доходов и расходов региона, повышение эффективности бюджетной политики и достижение целей устойчивого развития [10, с. 117].

Важным элементом методики является построение визуализированных схем, включающих относительные и абсолютные показатели доходов и расходов, что позволяет наглядно оценивать динамику бюджета и прогнозировать его поведение в будущем с учетом социально-экономических целей региона. Это обеспечивает системный подход к анализу и прогнозированию, позволяя интегрировать результаты статистических исследований в процесс принятия управленческих решений и повышать качество бюджетного планирования на региональном уровне.

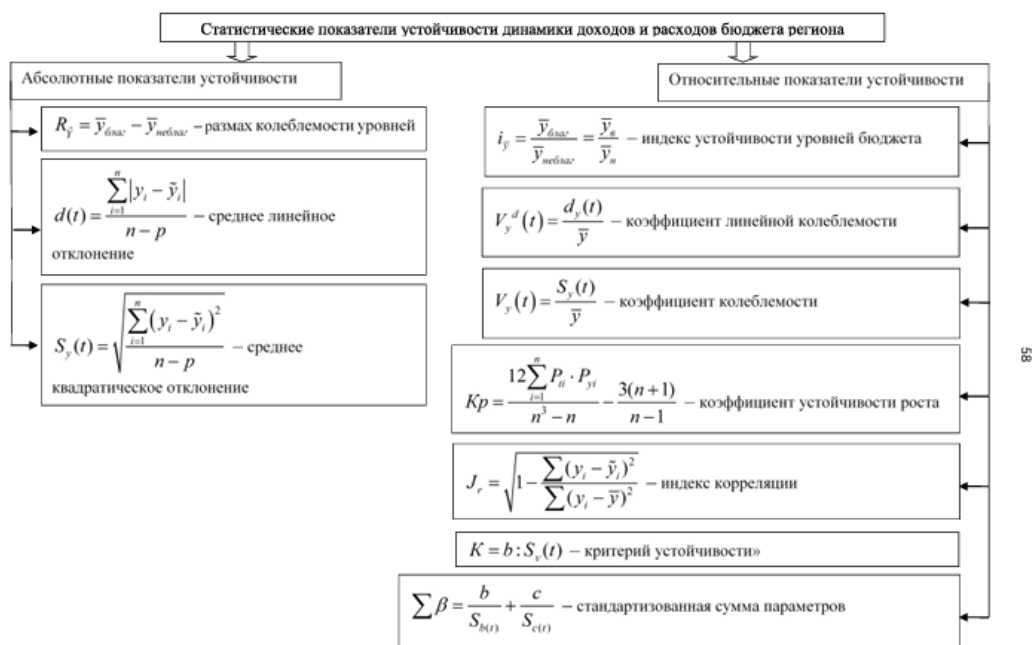

Рисунок 1 – Система показателей устойчивости динамики доходов и расходов в бюджете

Дополнительно устойчивость бюджета можно оценивать по индексу устойчивости. В отличие от показателя, где амплитуда колебаний задается разностью между максимальным и минимальным значениями относительно линии тренда, в данном случае учитывается не масштаб отклонений, а соотношение количества благоприятных периодов и числа неблагоприятных [9, с. 43]:

$$R_y = \bar{y}_{\text{благ}} - \bar{y}_{\text{неблаг}} \tag{1}$$

где

У благ - количество благоприятных периодов

У неблаг- количество неблагоприятных периодов для показателя бюджета.

Для более точного анализа колеблемости используют среднее линейное отклонение, которое является абсолютным показателем устойчивости:

$$\bar{y}_{благ} / \bar{y}_{неблаг}, \quad i_y = \frac{\bar{y}_{благ}}{\bar{y}_{неблаг}} \quad \text{или} \quad i_y = \frac{\bar{y}_g}{\bar{y}_n} \quad (2)$$

Более распространенным является среднеквадратическое отклонение:

$$d(t) = \frac{\sum_{i=1}^n |y_i - \tilde{y}_i|}{n - p}. \quad (3)$$

Этот показатель отражает среднее отклонение уровней доходов или расходов от среднего значения и позволяет сравнивать колеблемость различных структурных единиц бюджета.

Для сравнительного анализа применяют относительные коэффициенты колеблемости (волатильности) уровней ряда бюджета:

$$S_y(t) = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_i - \tilde{y}_i)^2}{n - p}}. \quad (4)$$

Данные показатели применяют для двух целей: проследить во времени изменение процентных долей статей бюджета и выявить позиции, наиболее подверженные колебаниям.

Относительный коэффициент линейной колеблемости (волатильности) уровней динамических рядов статей бюджета:

$$V_y^d(t) = \frac{d_y(t)}{\bar{y}} \quad (5)$$

Относительный коэффициент колеблемости (волатильности) уровней динамических рядов статей бюджета:

$$V_y(t) = \frac{S_y(t)}{\bar{y}} \quad (6)$$

где y – средний уровень динамического ряда бюджета за исследуемый период.

Применение этих экономико-статистических методов обеспечивает системный подход к анализу и прогнозированию доходов и расходов регионального бюджета. На их основе можно выявлять устойчивые и нестабильные статьи бюджета, строить прогнозные модели для последующего планирования и повышения финансовой устойчивости региона.

Если $V_y(t)$ – коэффициент изменчивости, то величину $(100 - V_y(t))$ обозначаем как K_p , который характеризуется как «коэффициент устойчивости уровней структурных единиц бюджета». Согласно проведенным расчетам, коэффициент устойчивости для анализируемого региона составил 0,75. Вероятность устойчивости при этом равна 0,68, а распределение колебаний структурных компонентов бюджета близко к нормальному.

Для оценки устойчивости изменений региональных бюджетных показателей применён ранговый коэффициент Спирмена. Его трактовка принята по подходу, предложенному В. Н. Афанасьевым в 1983. В исследовании этот индикатор служит мерой стабильности обнаруженной динамики [14, с. 19]. Для анализа тренда временного ряда показателей бюджета формула коэффициента имеет вид:

$$K_p = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d^2}{n^3 - n} \quad (7)$$

где d – значение разности рангов структурных составляющих бюджета (P_y) и рангов периодов времени в ряду (P_t);

n – число таких периодов времени или моментов времени.

Альтернативная формула расчета коэффициента устойчивости тенденции предложена:

$$Kp = \frac{12 \sum_{i=1}^n P_{ti} \cdot P_{yi}}{n^3 - n} - \frac{3(n+1)}{n-1} \quad (8)$$

Использование этой формулы упрощает расчеты, снижает их трудоемкость и устраняет необходимость применения метода аналитического выравнивания ряда, который может быть неточным и создавать ошибки.

Следует отметить, что длительное повышение или снижение показателей не исключает локальных отклонений на отдельных уровнях бюджетной системы. Если колебания около тренда невелики, а общее направление динамики выражено слабо, уровни бюджета могут оцениваться как достаточно стабильные, тогда как устойчивость самой тенденции остается низкой.

Например, по данным о поступлениях налога на прибыль организаций в регионе рассчитаны два индикатора устойчивости временного ряда: первый составил 0,675, тогда как второй равен лишь 0,21. При таком соотношении динамика этих доходов не может быть признана устойчивой [4, с. 244].

Показатель устойчивости роста не во всех случаях адекватно передаёт движение бюджетных статей: по отдельным рядам он недостаточно чувствителен к ускорению, замедлению либо спаду. По этой причине при анализе стабильности изменений доходов и расходов целесообразно дополнительно использовать индекс корреляции:

$$J_r = \sqrt{1 - \frac{\sum (y_i - \hat{y}_i)^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2}} \quad (9)$$

где y_i - эмпирические уровни статей бюджета

\hat{y}_i - трендовые уровни статей бюджета

\bar{y} – средний уровень динамического ряда

Данный показатель применяют, чтобы установить, в какой мере сдвиги бюджетных параметров обусловлены внешними и внутренними причинами. Чем ближе индекс к 1, тем устойчивее оценивается динамика доходов и расходов региона, что позволяет использовать этот метод для прогнозирования и

анализа бюджетных процессов [5, с. 2].

Таким образом, применение экономико-статистических методов анализа и прогнозирования обеспечивает обоснованное планирование бюджета региона, позволяет моделировать последствия экономических и социальных изменений, выявлять потенциальные риски и принимать меры по обеспечению сбалансированности бюджета, повышению эффективности расходования средств и достижению стратегических социально-экономических целей региона.

При анализе и прогнозировании параметров регионального бюджета приоритет следует отдавать нескольким взаимосвязанным направлениям:

- формирование правовой базы, обеспечивающей долгосрочное финансовое планирование;
- проведение прогнозных расчетов в соответствии с бюджетным законодательством, с учетом данных государственных программ и изменений консолидированных бюджетов;
- подготовка решений по корректировке налоговой, бюджетной и долговой политики региона на основе долгосрочных ориентиров;
- выявление бюджетных рисков, их типологизация и включение итогов оценки в прогноз;
- обеспечение открытости процедур долгосрочного планирования и понятности их содержания для общества [6, с. 9].

Долгосрочное прогнозирование предполагает вариантный анализ, позволяющий оценить риски, эффективность и социально-экономические последствия реализации бюджетной политики. При этом применяются экономико-статистические методы, позволяющие анализировать динамику доходов и расходов, индексы колеблений, тенденции, устойчивость бюджетных статей, а также сценарное прогнозирование в условиях неопределенности.

Использование экономико-статистических методов обеспечивает:

- выявление динамических тенденций и стабильных индикаторов;
- определение приоритетных статей доходов и расходов;
- анализ влияния экономических, социальных и финансовых факторов на

бюджетные показатели;

– разработку обоснованных рекомендаций для управления бюджетом и повышения его устойчивости.

Заключение

Применение экономико-статистических методов анализа и прогнозирования доходов и расходов регионального бюджета позволяет обеспечивать точное и обоснованное финансовое планирование. Использование коэффициентов устойчивости, индексов колеблемости, среднеквадратического отклонения и коэффициента рангов Спирмена дает возможность выявлять устойчивые и нестабильные статьи бюджета, анализировать динамику доходов и расходов, прогнозировать их изменения и оценивать влияние внешних и внутренних факторов. Системное применение этих методов повышает качество бюджетного планирования, способствует сбалансированности бюджета, эффективному распределению ресурсов и достижению социально-экономических целей региона. Методика универсальна и может применяться для оценки бюджетной устойчивости других субъектов Российской Федерации, обеспечивая повышение автономности исполнения доходной и расходной частей бюджета и устойчивое развитие региональной экономики.

Список литературы

1. Конституция Р. Ф. Конституция Российской Федерации /принята всенародным голосованием. – 1993. – Т. 12.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 17 июля 1998 г. № 145-ФЗ.
3. Закон Ф. О стратегическом планировании в Российской Федерации /Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. – 2014. – Т. 20.
4. Афанасьев В. Н., Колодяжная А. Ю. Статистический анализ устойчивости доходов бюджета региона (на примере Оренбургской области) /Вестник НГУЭУ. – 2020. – №. 4. – С. 243-254.

5. Балынин И. В., Терехова Т. Б., Ажмуратова М. А. Векторы управления доходами и расходами региональных бюджетов в 2025 году /Теоретическая и прикладная экономика. – 2025. – №. 2. – С. 52-70.
6. Барбашова Н. Е. Подходы к построению и использованию модели долгосрочного бюджетного прогноза на региональном уровне /Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14. – №. 2. – С. 8-25.
7. Валентей С. Д. и др. Тренды развития региональных экономик в России /Федерализм. – 2022. – Т. 27. – №. 2. – С. 177-221.
8. Гурвич Е. Т., Краснопеева Н. А. Формирование структуры расходов региональных бюджетов /Вопросы экономики. – 2024. – Т. 1. – С. 5-32.
9. Колодяжная А. Ю. СТАТИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА /Финансовый бизнес. – 2021. – №. 12. – С. 42-44.
10. Колодяжная А. Ю. Статистическое исследование динамики расходов бюджета /Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – №. 10-1. – С. 116-134.
11. Кремповая Н. Л. Оценка действующей практики бюджетного прогнозирования доходов региональных бюджетов /Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2022. – №. 2 (59). – С. 22-29.
12. Макейкина С. М., Еремина О. И. Эффективность как важнейший индикатор финансирования расходов регионального бюджета. – 2025.
13. Речкина Е. А., Терехов А. М., Попкова Ж. Г. Сравнительный анализ эффективности использования бюджетных средств на региональном уровне /Статистика и экономика. – 2023. – Т. 20. – №. 4. – С. 55-65.
14. Суворов А. В. и др. Система прогнозных расчетов макроэкономических показателей регионов /Проблемы прогнозирования. – 2021. – №. 3 (186). – С. 18-28.
15. Уродовских В. Н., Кузнецова К. А. Планирование доходной части бюджета региона на основе эконометрических моделей прогнозирования /Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2024.

– №. 3 (79). – С. 3.

16. Фаттахов Р. В. и др. Прогнозирование социально-экономического развития муниципального образования: бюджетный аспект /Финансы: теория и практика. – 2023. – Т. 27. – №. 3. – С. 79-91.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 62

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ОБЪЕКТА КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Воронова Софья Александровна

магистрант

ДФУ «Дальневосточный Федеральный университет»,

г. Владивосток

***Аннотация.** В статье проанализированы особенности применения технологий информационного моделирования (ВІМ) на различных стадиях жизненного цикла объекта капитального строительства. Рассмотрены возможности использования ВІМ на этапах технико-экономического обоснования, проектирования, строительства и эксплуатации. Выявлены основные проблемы и барьеры сквозного внедрения ВІМ-технологий в российской строительной практике, в том числе на региональном уровне (на примере Приморского края).*

The article analyzes the features of applying Building Information Modeling (BIM) technologies at various stages of the life cycle of a capital construction facility. The possibilities of using BIM at the stages of feasibility study, design, construction and operation are considered. The main problems and barriers to the end-to-end implementation of BIM technologies in Russian construction practice, including at the regional level (on the example of Primorsky Krai), are identified.

***Ключевые слова:** ВІМ, ТІМ, технологии информационного моделирования, жизненный цикл объекта капитального строительства, 4D/5D-моделирование, цифровой двойник, строительный контроль*

Keywords: *BIM, TIM, building information modeling, life cycle of capital construction facility, 4D/5D modeling, digital twin, construction control*

В современных условиях высоких требований к эффективности, сокращению сроков и стоимости строительства особую актуальность приобретают технологии информационного моделирования, известные в международной практике как Building Information Modeling (BIM), а в российской нормативной базе – как технологии информационного моделирования (ТИМ) [1].

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 331 от 05.03.2021, формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства является обязательным при реализации проектов с привлечением бюджетных средств [1]. Это делает необходимым комплексный анализ возможностей применения BIM-технологий на всех стадиях жизненного цикла объекта капитального строительства (ЖЦ ОКС) [2].

Жизненный цикл объекта капитального строительства включает следующие основные стадии: технико-экономическое обоснование, проектирование, строительство и эксплуатацию. На каждой из них BIM-технологии позволяют решать специфические задачи и повышать эффективность управления проектом.

Применение BIM на стадии технико-экономического обоснования

На этапе технико-экономического обоснования (ТЭО) информационное моделирование используется в укрупнённом формате. Создание концептуальной информационной модели позволяет проводить сравнительный анализ различных вариантов размещения объекта, оценивать геопространственные данные, определять укрупнённые объёмы работ, предварительную стоимость строительства и риски проекта.

Особую ценность представляет возможность ранней оценки стоимости жизненного цикла объекта. Однако в настоящее время применение BIM на стадии ТЭО ещё не получило широкого распространения вследствие отсутствия специализированных методик и укрупнённых библиотек элементов.

Применение BIM на стадии проектирования

Стадия проектирования является наиболее развитым направлением внедрения BIM-технологий в России. Здесь информационная модель выступает единым источником данных для всех участников проектного процесса.

Основные преимущества BIM на данном этапе включают параметрическое моделирование, автоматическую проверку коллизий между разделами, автоматическую генерацию рабочей документации, спецификаций и ведомостей объемов работ [3]. Наиболее широко применяются программные комплексы Autodesk Revit, Renga, ArchiCAD и Navisworks.

В соответствии с СП 333.1325800.2020 на стадии проектирования формируется проектная информационная модель, которая служит основой для последующих стадий жизненного цикла объекта [2].

Применение BIM на стадии строительства

На стадии строительства BIM переходит из инструмента проектирования в инструмент оперативного контроля и управления строительными процессами. Проектная модель используется как неизменяемая подложка, на которую накладываются слои фактических данных (строительная модель).

Ключевыми методами контроля и управления выступают:

- 4D-моделирование (связь информационной модели с календарным графиком производства работ);
- 5D-моделирование (привязка стоимостных параметров);
- мобильные BIM-платформы («Сигнал», PlanRadar, Dalux Field, Autodesk Build) для визуального контроля, фотофиксации замечаний и ведения исполнительной документации;
- технология Scan-to-BIM для объективного контроля соответствия «проект – факт».

Применение данных инструментов позволяет повысить прозрачность строительного процесса, оперативно выявлять отклонения и снижать количество переделок.

Применение BIM на стадии эксплуатации

На стадии эксплуатации информационная модель трансформируется

в цифровой двойник объекта. Она используется для управления активами, планирования ремонтных работ, интеграции с системами управления зданием, учёта фактического состояния конструкций и оборудования.

Несмотря на высокий потенциал, стадия эксплуатации остаётся наименее освоенным направлением применения BIM-технологий в России. Полноценные цифровые двойники пока применяются преимущественно в единичных крупных проектах.

Проблемы сквозного применения BIM-технологий

Анализ практики внедрения BIM в строительных компаниях Приморского края [4] показывает, что технология чаще всего используется фрагментарно. Основные проблемы сквозного применения BIM включают:

- слабую координацию между проектировщиками, подрядчиками и заказчиками;
- острый дефицит квалифицированных BIM-специалистов;
- неопределённость экономической эффективности на стадиях строительства и эксплуатации;
- формальный подход к внедрению (преимущественно для прохождения государственной экспертизы);
- сложности передачи и актуализации информационной модели между участниками проекта.

В результате потенциал BIM-технологий реализуется далеко не в полной мере.

Таким образом, технологии информационного моделирования (BIM) обладают значительным потенциалом для повышения эффективности управления на всех стадиях жизненного цикла объекта капитального строительства. Наиболее зрелым направлением является стадия проектирования. Для реализации преимуществ сквозного применения BIM необходимо комплексное решение организационных, кадровых и нормативно-методических задач.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2021 г.

№ 331 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства» (с изм. и доп.);

2. СП 333.1325800.2020 «Информационное моделирование в строительстве. Правила формирования информационной модели объектов на различных стадиях жизненного цикла» – Введ. 2020-01-01. – М. : Минстрой России, 2020. – 52 с.;

3. Шеина С. Г., Шуйков С. Л. Нормативное регулирование и опыт внедрения BIM на различных этапах жизненного цикла объекта строительства в России / Современные тенденции в строительстве, градостроительстве и планировке территорий. 2023. Т. 2. № 1. С. 4–11;

4. Экспертное интервью с главным специалистом по внедрению BIM-технологий компании «BIM Project» в Приморском крае. Проведено автором в 2026 г.

УДК 7.021:7.021.5

**3D-МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ
РЕАЛЬНОСТИ (AR) В РЕКОНСТРУКЦИИ УТРАЧЕННЫХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ТРАДИЦИОННОЙ РОСПИСИ
ПО ДЕРЕВУ**

Жуйко Анастасия Максимовна

студентка

Научный руководитель: Дикая Инна Владимировна,

к.п.н., доцент

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»,

город Армавир

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема сохранения и реконструкции утраченных технологических приемов традиционной росписи по дереву — компонента нематериального культурного наследия.*

The article discusses the problem of preserving and reconstructing the lost technological methods of traditional wood painting, which is a component of intangible cultural heritage.

***Ключевые слова:** 3D-моделирование; дополненная реальность (AR); традиционная роспись по дереву; технологическая реконструкция; культурное наследие; цифровые технологии в образовании; генеративные нейросети*

***Keywords:** 3D modeling; augmented reality (AR); traditional wood painting; technological reconstruction; cultural heritage; digital technologies in education; generative neural networks*

Традиционная роспись по дереву представляет собой неотъемлемую часть нематериального культурного наследия России [6]. Основные и самые древние школы русского искусства росписи по дереву — Мезенская и Северо-

двинская; позже возникли Жостовская роспись, Палех и Хохлома [7]. Корни этого искусства уходят в архаичные языческие времена, когда сюжеты древних мастеров были посвящены природе или символизировали здоровье, удачу и процветание. Техника северной росписи, например, отличалась отсутствием предварительного рисунка и вольными, размашистыми движениями кисти.

Однако дерево обладает меньшей долговечностью по сравнению с камнем, поэтому до наших дней дошла лишь небольшая часть образцов деревянной росписи. Сложность сохранения технологических традиций обусловлена тем, что методы, приемы и технологии северных росписей по дереву требуют целенаправленного изучения и сохранения как важной части национальной культуры [6]. В 1990-х годах закрытие ряда профильных производств привело к почти полной утрате целых технологических направлений, таких как ярославская кистевая роспись.

Разработка и научное обоснование подхода к реконструкции утраченных технологических приёмов традиционной росписи по дереву опираются на использование технологий 3D-моделирования и дополненной реальности (AR) [4]. В рамках данного подхода осуществляется систематизация существующих методов цифровой фиксации объектов росписи, проводится анализ возможностей 3D-моделирования для восстановления технологических процессов, а также разрабатывается методика применения AR-технологий в образовательной и реставрационной практике.

В центре внимания находятся произведения традиционной росписи по дереву, утратившие часть технологических характеристик или нуждающиеся в реконструкции. Особое значение придаётся исследованию и внедрению цифровых инструментов, обеспечивающих воспроизведение и интерпретацию технологических приёмов росписи с опорой на современные методы моделирования и визуализации [10].

Ключевой проблемой сохранения традиционной росписи является утрата не столько материальных объектов, сколько технологических знаний. Как справедливо отмечается в научной литературе, «методы, приемы и технологии се-

верных росписей по дереву требуют целенаправленного изучения и сохранения как важной части культуры» [6]. Специфика росписи по дереву включает в себя: композиционные принципы построения орнамента, цветовую гамму, характер мазка, технику нанесения красочных слоев, используемые материалы (пигменты, связующие вещества) и инструменты.

Анализ существующих исследований показывает, что в последние годы наблюдается проблема сокращения количества мастеров и уменьшения количества мероприятий в сфере народных промыслов [10]. Эта тенденция актуализирует необходимость разработки новых методов сохранения и передачи технологического знания.

Под технологической реконструкцией понимается процесс восстановления утраченных способов, приемов и алгоритмов создания художественного произведения на основе сохранившихся материальных свидетельств, исторических документов и экспериментальных данных [2]. В отличие от материальной реставрации, направленной на физическое восстановление объекта, технологическая реконструкция ориентирована на воссоздание процесса его создания — последовательности операций, материалов, инструментов и художественных приемов.

Эффективная реконструкция требует интеграции знаний из области искусствоведения, материаловедения, истории техники, компьютерной графики и педагогики. Как отмечается в работах кафедры исторической информатики МГУ, систематизация сведений об источниковой базе 3D-моделирования исторических объектов и выявление специфических особенностей изучения ее отдельных компонентов являются необходимым условием успешной реконструкции [1].

Среди ключевых методов трехмерной фиксации объектов культурного наследия следует выделить три основных подхода: лазерное сканирование, фотограмметрию и гиперспектральный анализ, каждый из которых обладает своими преимуществами и ограничениями [4].

Как убедительно демонстрирует В. В. Талапов, «единственной современ-

ной технологией получения реальной формы (геометрии) здания является лазерное 3D сканирование, которое становится неотъемлемой частью процесса информационного моделирования памятника архитектуры» [3]. Для фиксации декоративных элементов деревянной резьбы и росписи успешно применяются оптические сканеры со структурированной подсветкой, позволяющие оцифровывать изделия из любых материалов. 3D-визуализация является абсолютно неинвазивным методом регистрации информации: артефакты не страдают от вмешательства, при этом данные сохраняются на компьютерах.

Современные технологии 3D-моделирования позволяют осуществлять реконструкцию и визуализацию объектов историко-культурного наследия с использованием гиперреалистичной аутентичной визуализации, интерактивности и анимации, а также проводить цифровую реставрацию объектов [4]. Они дают возможность выполнять фиксацию памятников на местности, создавать цифровые модели рельефа и трехмерные модели, реконструировать макеты отдельных элементов и сооружений с целью воссоздания и сохранения объектов культурного наследия.

Цифровая копия культурного объекта создаётся с использованием технологий 3D-моделирования для того, чтобы сохранить ценные культурные объекты в цифровом виде [4]. Это позволяет сформировать цифровой архив, в котором такие объекты могут храниться длительное время без утраты информации. На основе полученных трёхмерных моделей создаётся библиотека элементов, которую можно использовать при восстановлении или реконструкции объектов. Кроме того, применение технологий 3D-печати даёт возможность изготавливать физические копии этих моделей.

Технология дополненной реальности позволяет накладывать цифровую информацию — трёхмерные модели, текстовые и мультимедийные данные — на изображение реального мира, получаемое через камеру мобильного устройства [8]. Создаваемые AR-гиды или приложения работают по принципу геопозиционирования: на карте приложения отмечается геопозиция пользователя, а при достижении нужной точки на экране телефона появляется трёхмерная вир-

туальная копия исторического объекта, которую можно осмотреть со всех сторон.

Помимо собственно реконструкции реальных объектов культуры, с помощью технологий виртуальной и дополненной реальности воссоздается целая пространственная урбанистическая среда, в которой находился объект, восстановленный подобным способом [8]. Такие объекты вместе с исторической средой могут воспроизводиться на смартфонах и планшетах, что существенно облегчает использование результатов 3D-моделирования в экскурсионной и просветительской деятельности.

Примером успешного зарубежного проекта является система Motiv-ARCHE, интегрирующая иммерсивные технологии, совместное создание контента и адаптацию информации для повышения мотивации к изучению культурного и природного наследия [9]. Эта система позволяет как экспертам, так и обычным пользователям генерировать контент без необходимости в продвинутых технических знаниях, который затем может отображаться через AR-активацию с помощью распознавания изображений и геолокации.

Методика реконструкции утраченных технологических приемов можно разбить на ряд этапов.

Этап 1: Сбор и анализ источниковой базы. База 3D-моделирования исторических объектов имеет специфические особенности изучения отдельных компонентов [1].

Примером комплексного подхода служит исследование фрагментов фресковой росписи деревянного дома XII века в Новогрудке [2]. В ходе этого исследования было установлено, что сохранилась лишь небольшая часть ансамбля (около 1,5 кв. м), некоторые фрагменты «имеют следы тонкого (3 мм) и очень твердого слоя коричневой глины на обратной стороне», а слой интонако (штукатурки под фреску) свидетельствует о технике *alfresco*. Пересмотр полевой документации и самих фрагментов, хранящихся в Эрмитаже и Историческом музее Беларуси, позволил получить более полную картину, чем та, что была представлена в старых публикациях.

Этап 2: Цифровая фиксация и 3D-моделирование. На основе собранных данных производится высокоточное 3D-сканирование сохранившихся фрагментов либо фотограмметрическая съемка архивных изображений [3]. Полученные данные обрабатываются в специализированном программном обеспечении для создания полигональных 3D-моделей с текстурным наложением, достоверно передающим цвет и фактуру.

Этап 3: Технологический анализ и генерация гипотез. На данном этапе искусствоведы и технологи совместно анализируют 3D-модель для выявления последовательности нанесения красочных слоев, идентификации инструментов и реконструкции пигментного состава.

В рамках нашей статьи мы показали, что технологии 3D-моделирования и дополненной реальности создают принципиально новые возможности для реконструкции утраченных технологических приемов традиционной росписи по дереву [4; 8]. Разработанная методика охватывает полный цикл — от сбора и анализа источниковой базы до создания образовательных AR-модулей — и может служить основой для дальнейших исследований и практической реализации.

Как следует из работ ведущих российских ученых (Л. И. Бородин), направление виртуальной реконструкции объектов культурного наследия является активно развивающейся областью, «появившейся в России в начале XXI в.» [1].

Современные цифровые технологии, как отмечается в научной литературе, «играют ключевую роль в сохранении культурного наследия» [10]. Одним из перспективных методов является трехмерное моделирование, «позволяющее создавать точные цифровые копии исторических объектов» [4].

Перспективными направлениями исследований являются: разработка методов автоматизированного анализа кистевых техник на основе данных 3D-сканирования; создание динамических 3D-моделей технологического процесса; проектирование открытой платформы цифрового наследия, интегрирующей технологии AR/VR и элементы искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Бородкин Л. И. Трёхмерное моделирование в задачах компьютерной реконструкции культурного наследия: опыт Московского университета / Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2025. № 6. С. 84–104. URL: <http://www.vestnikhist.ru/articles/article/21619/> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Компьютерная реконструкция облика Албазинского острога периода первой осады / Архив статей. 2025. № 1 (51). URL: <https://scinetwork.ru/articles/35374> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Талапов В. В., Майничева А. Ю., Куликова С. О. Digital Models of Wooden Houses as a Tool for Studying and Preserving Wooden Architecture Objects / CAT. 2024. Т. 9, № 2. URL: <https://cat.itmo.ru/index.php/en/2024/v9-i2/483> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Мировой опыт применения трёхмерного моделирования в сохранении культурного наследия / Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: естественные науки. 2025. № 3. С. 22–38. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-2.
5. RePAIR: Reconstructing the Past — Artificial Intelligence and Robotics Meet Cultural Heritage / CORDIS. European Commission. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/964854> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Сохранение художественных традиций северных росписей на занятиях по декоративно-прикладному творчеству в вузе / Научное обозрение. Педагогические науки. URL: <https://science-pedagogy.ru/article/view?id=2534> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Речина Я. А., Балобанова К. А., Абасова А. Р. Вологодская роспись по дереву: история ремесла, особенности техники и её традиции / Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 25 мая 2023 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2023. С. 272–274.
8. Anwar M.S., Yang J., Frnda J., Choi A., Baghaei N., Ali M. Metaverse and XR for cultural heritage education: applications, standards, architecture, and techno-

logical insights for enhanced immersive experience / *Virtual Reality*. 2025. Vol. 29, Article 51. DOI: 10.1007/s10055-025-01126-z.

9. Motiv-ARCHE: co-creation of augmented reality educational content to motivate cultural and natural heritage learning. URL: <https://doaj.org/article/c287058860334cc29ecac20c1e0184d0> (дата обращения: 10.05.2026).

10. Киреева О. А. Распространение народной культуры в эпоху цифровых технологий: проблемы и перспективы / *Известия СОИГСИ*. 2025. Вып. 57 (96). С. 98–111. DOI: 10.46698/VNC.2025.96.57.008.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 004.82

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Габбасова Ангелина Артуровна

студент

Научный руководитель: Абдрахманова Флорида Ривхатовна,

ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы», город Уфа

***Аннотация.** Философско-правовое рассмотрение посвящено вопросу о том, какой юридический статус допустимо признать за искусственным интеллектом в теории права. Актуальность темы связана с ускоренным распространением интеллектуальных цифровых решений в экономике, государственном управлении, медицине и правоприменении. Отсюда возникает дилемма, воспринимать искусственный интеллект лишь как техническое средство или допустить за ним статус самостоятельного участника правоотношений. Решение вопроса опирается на прослеживание исторической эволюции содержания категорий «лицо», «субъект права», «ответственность» и на сопоставление традиционных философских моделей с новыми концепциями постгуманизма. В российской правовой системе ИИ по-прежнему принимается за объект права. Отнести его к числу самостоятельных участников правовых отношений на данном этапе пока рано, он не наделен сознанием, не располагает моральной автономией и не способен лично переживать последствия собственных действий. При этом ускорение технологического развития требует выстраивания специальных режимов юридической ответственности для тех,*

кто применяет подобные системы.

This philosophical and legal review addresses the question of what legal status artificial intelligence should be accorded in legal theory. The topic's relevance stems from the accelerated spread of intelligent digital solutions in economics, public administration, medicine, and law enforcement. This raises the dilemma of whether to perceive artificial intelligence merely as a technical tool or to grant it the status of an independent participant in legal relations. The solution to this question is based on tracing the historical evolution of the categories of «person,» «legal subject,» and «responsibility,» and comparing traditional philosophical models with new concepts of posthumanism. In the Russian legal system, AI is still considered an object of law. At this stage, classifying it as an independent participant in legal relations is premature; it lacks consciousness, moral autonomy, and the ability to personally experience the consequences of its own actions. At the same time, accelerating technological development requires the development of special legal liability regimes for those who use such systems.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, субъект права, правовой статус, цифровые технологии, юридическая ответственность, правосубъектность, правоотношения*

Key words: *artificial intelligence, legal entity, legal status, digital technologies, legal liability, legal capacity, legal relations*

Искусственный интеллект сегодня воспринимается одним из самых значимых предметов для науки и права; подобный статус он получил на фоне ускоренного развития цифровой среды. На практике программные решения, построенные на обучаемых моделях, задействуются при работе с крупными массивами сведений, в медицинской диагностике, финансовом прогнозировании, судебной аналитике, транспортных системах и государственном управлении. По мере расширения круга подобных применений правовая проблематика заметно обостряется, возникает потребность установить, рассматривать ли искусственный интеллект лишь в роли используемого человеком средства либо допустить за ним возможность самостоятельного правового положения.

Исторически идея субъектности не сводилась к формальному государственному признанию, ей приписывали разум, волю, способность к выбору и понимание последствий собственных поступков [3]. В классической правовой модели разграничивают субъект права – того, кто имеет права и обязанности, участвует в правоотношениях, использует предоставленные полномочия и отвечает по закону, – и объект права. К последнему относят вещи, результаты интеллектуальной деятельности, равно как имущественные и неимущественные блага.

Категория лица складывалась не одномоментно, а на протяжении долгого исторического пути. В римской юриспруденции *persona* означала прежде всего общественную функцию, а не безусловную ценность каждого человека [5, с. 48]. В полном объеме в правовой жизни мог участвовать свободный гражданин; раб же оставался вне сферы самостоятельной правосубъектности. Затем христианская философия закрепила мысль о достоинстве каждого человека как существа, наделенного разумной природой. Боэций характеризовал личность как индивидуальную субстанцию разумной природы [2, с. 117]. Позднее мыслители Нового времени развили данную линию через идею автономной воли. У И. Канта личность немислима вне способности самостоятельно устанавливать нравственный закон для себя.

Центральный узел спора о природе интеллектуальных систем проявляется именно здесь. Нейросети нынешнего поколения показывают набор практических возможностей, они составляют тексты, обрабатывают большие массивы сведений, формируют изображения, распознают устную речь и принимают решения в пределах поставленной задачи. По наблюдаемому эффекту подобное легко принять за человеческое мышление. Однако речь идет не о сходстве итогового эффекта, а о том, каким способом устроен сам механизм его появления.

В мысленном эксперименте «Китайская комната» Дж. Серл разграничил два уровня, простое манипулирование знаками и подлинное постижение содержания. С такой позиции корректный ответ доступен машине даже при отсутствии сознания и знания содержания выполняемых операций [6, с. 98]. Для ны-

нешних систем ИИ тот же довод сохраняет силу, они строят ответы вероятностного характера на основе статистического согласования данных, но ни осознание собственного Я, ни осмысленная рефлексия, ни свободное волеизъявление из такого режима работы не вытекают.

В правовой сфере вопрос ответственности занимает центральное место, через него выстраивается связь между обладанием правами и обязанностью отвечать за допущенные нарушения. Наложение наказания допустимо не само по себе, а лишь тогда, когда установлены вина, осознание недопустимости соответствующего поведения и способность связать поступок с наступившими последствиями. Иная ситуация складывается применительно к искусственному интеллекту, ему не знаком страх перед санкциями, он не переживает раскаяния и не возникает под влиянием нравственных побуждений. Поведенческие проявления задаются устройством модели, данными обучения и настройками, задаваемыми разработчиком либо оператором.

Юридическая природа ИИ в российском праве связывается с технологическими результатами, а не с самостоятельными носителями правосубъектности. На указанном подходе строится и регулирование, акты, посвященные экспериментальным правовым режимам и цифровым инновациям, адресованы прежде всего разработчикам, владельцам и пользователям подобных систем, тогда как признание автономной ответственности самого ИИ в них не предполагается [1]. Из указанного подхода вытекает и его рациональность, правовые последствия использования технологии связываются с лицами, сохраняющими контроль над ее созданием, внедрением и эксплуатацией.

В научных работах нередко проводят сопоставление искусственного интеллекта и юридического лица. Корпорация, хотя лишена биологического тела, в правовой системе рассматривается как субъект права. Границы такого сближения ясны, юридическое лицо существует лишь потому, что за ним стоит объединение людей, а коллективная воля сообщества реализуется через органы управления. Искусственный интеллект устроен иначе – он не собирает чужую волю в единое целое, а выполняет заложенные в него алгоритмические цели. По

этой причине его точнее считать сложным инструментом, а не самостоятельным участником общественных отношений.

Раннее признание ИИ субъектом права вызывает обоснованные сомнения уже потому, что здесь не просматривается подлинное целеполагание. В человеческом поступке есть не только подбор средств ради результата, человек способен заново оценивать собственные цели, сознательно отказываться от выгодного варианта из нравственных соображений и выбирать линию поведения, не совпадающую с внешней полезностью. У алгоритмического комплекса иная природа работы, его функционирование сводится к настройке заранее заданных параметров и ограничено архитектурой, заданной разработчиком. С правовой точки зрения первостепенна не сама по себе гибкость модели, а наличие у субъекта внутреннего основания для самостоятельного выбора цели. Когда поведение лишь смещает вероятностные пропорции в пределах заранее заданного контура, о самостоятельном целеполагании говорить не приходится. По этой причине действительную автономию лица в сфере правоотношений допустимо признавать лишь там, где наличествует собственный источник решения.

Особого внимания заслуживает опасность, при которой личность начинают видеть, как инструмент. Когда правосубъектность передают любой системе, способной воспроизводить разумоподобное поведение, ценностное содержание понятия правового субъекта размывается и сводится к сугубо техническому обозначению. В исторической перспективе расширение круга носителей данного статуса служило иной цели, через него гарантировалась более надежная охрана достоинства и свободы тех членов общества, чье положение действительно было уязвимым. Иная постановка вопроса возникает при разговоре об искусственном интеллекте, здесь подразумеваются облегчение оборота, перераспределение рисков либо частичное снятие нагрузки с человека. Поэтому подобная модель требует повышенной осмотрительности, поскольку правовой порядок не должен прибегать к персонификационной фикции лишь ради практического удобства [4, с. 79].

С философской позиции рассматривается широта круга нравственной от-

ветственности. В постгуманистическом дискурсе утверждается, что прежняя жесткая граница между человеческим субъектом и машинным устройством постепенно размывается. Д. Харауэй отмечала, что нынешний цивилизационный порядок уже функционирует внутри гибридной среды, где техногенные формы и человеческая телесность неотделимы друг от друга [7]. Из такого понимания вытекает необходимость заново пересмотреть устоявшиеся правовые конструкции. Однако даже признание связанности технологической среды не позволяет считать человека и алгоритм совпадающими по нравственному и правовому статусу.

На практике такой вопрос нельзя оставлять без внимания, при сбое медицинского диагностического сервиса, дискриминационном решении алгоритма найма, аварии с участием беспилотного транспорта либо распространении ложных сведений генеративной моделью правовые меры должны запускаться без промедления. Верный путь урегулирования состоит не в искусственном присвоении машине статуса субъекта права, а в четком разграничении распределенной ответственности между разработчиком, владельцем, оператором и прочими участниками технологической цепочки.

На нынешнем этапе искусственный интеллект нельзя считать полноценным субъектом права, для подобного статуса ему недостает сознания, автономной воли, нравственного опыта и юридически значимой способности отвечать за вину. Более уместным в правовом смысле выглядит иной подход – воспринимать его как особый объект права, то есть как высокотехнологичный инструмент, использование которого должно сопровождаться специальным режимом контроля и возложением ответственности на человека. Нынешняя траектория технологического развития неизбежно подтолкнет философию и право к переосмыслению привычных категорий, поскольку тема пределов личности уже сегодня относится к числу вызовов XXI века.

Список литературы

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных

правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: Федер. закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.04.2026).

2. Боэций. Утешение философией / Боэций. – М.: Наука, 1990. – 318 с.

3. Журавлева, А.В. Искусственный интеллект как субъект права [Электронный ресурс] / А.В. Журавлева, Ю. Куликова. – URL: https://online-science.ru/userfiles/file/zhuravleva_kulikova_2025_3_cyxn3b7a5y.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

4. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М.: Мысль, 1995. – 256 с.

5. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – М.: Статут, 2004. – 560 с.

6. Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

7. Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Д. Харауэй / Гендерные исследования. – URL: https://monoskop.org/images/3/30/Kharauey_Donna_1985_2005_Manifest_kiborgov.pdf

УДК 346.546

**ФИНАНСОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ КАК СУБЪЕКТЫ
АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ
КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**

Осепян Виктория Робертовна

магистрант

Научный руководитель: Ларина Татьяна Викторовна,

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», город Москва

Аннотация. В статье исследуются правовые коллизии, возникающие при применении антимонопольного законодательства к финансовым экосистемам. Проанализирована система специального регулирования доминирующего положения финансовых организаций, установленная постановлениями Правительства РФ № 409 и № 359, и обоснована её неприменимость к экосистемным структурам. Выделены пять базовых типов коллизий, рассмотрена актуальная судебная практика. Предложены конкретные законодательные меры, включая введение понятия «значимая финансовая платформа» и установление для неё системы ex-ante запретов.

The article examines legal collisions arising from the application of antitrust legislation to financial ecosystems. The system of special regulation of the dominant position of financial organizations established by Decrees of the Government of the Russian Federation No. 409 and No. 359 is analyzed, and its inapplicability to ecosystem structures is substantiated. Five basic types of collisions are identified, and current judicial practice is considered. Specific legislative measures are proposed, including the introduction of the concept of «systemically important financial plat-

form» and the establishment of a system of ex-ante prohibitions for it.

Ключевые слова: *финансовая экосистема, доминирующее положение, правовая коллизия, цифровая платформа, антимонопольное регулирование, значимая финансовая платформа*

Keywords: *financial ecosystem, dominant position, legal collision, digital platform, antitrust regulation, systemically important financial platform*

Стремительная цифровизация финансового сектора и формирование крупнейшими банками собственных экосистем – совокупности взаимосвязанных финансовых и нефинансовых продуктов, интегрированных в единую технологическую платформу, – поставили перед российским антимонопольным правом принципиально новые задачи. ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», АО «Т-Банк» и другие финансовые организации создали масштабные экосистемы, объединяющие банковские сервисы с платформами электронной коммерции, телемедициной, облачными сервисами и иными продуктами. Такая модель генерирует сетевые эффекты, создаёт высокие издержки переключения для потребителей и аккумулирует большие массивы данных, формируя качественно новый тип рыночной власти.

Действующее антимонопольное законодательство, прежде всего Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции, Закон № 135-ФЗ), в своей основе проектировалось для традиционных товарных рынков и не учитывает специфику многосторонних платформенных рынков.

Особую остроту проблема приобрела осенью 2025 года, когда развернулся конфликт между банковскими экосистемами и маркетплейсами. В ноябре 2025 года Сбербанк, ВТБ, Т-Банк, Альфа-банк и Совкомбанк предложили запретить маркетплейсам продавать товары с дополнительным дисконтом при оплате картой аффилированного с платформой банка. Председатель Банка России Э. С. Набиуллина поддержала позицию банков, назвав скидки на маркетплейсах «не совсем справедливой конкуренцией». Президент РФ В. В. Путин поручил провести до 1 марта 2026 года масштабную проверку всех практик дифференциро-

ванного доступа к скидкам внутри экосистем, а в апреле 2026 года глава Минэкономразвития М. Г. Решетников призвал банки и торговые сети присоединиться к меморандуму о добросовестных практиках, предусматривающему открытость программ лояльности для всех игроков на равных коммерческих и технологических условиях. Таким образом, конфликт перешёл из корпоративной плоскости в политическую и регуляторную, что свидетельствует о его фундаментальном характере для российской экономики.

Коллизия 1 – специальные условия признания доминирующим положения финансовых организаций и их неприменимость к экосистемам.

Для понимания масштаба регуляторного пробела необходимо обратиться к действующей системе установления доминирующего положения на рынке финансовых услуг. Данная система базируется на ч. 7 ст. 5 Закона № 135-ФЗ, согласно которой условия признания доминирующим положения финансовой организации, поднадзорной Банку России, устанавливаются Правительством РФ по согласованию с Центральным банком. Во исполнение этой нормы приняты два ключевых постановления.

Постановление Правительства РФ от 26 июня 2007 г. № 409 «Об утверждении Условий признания доминирующим положения кредитной организации и Правил установления доминирующего положения кредитной организации» (далее – Постановление № 409) устанавливает, что доминирующим признаётся положение кредитной организации, в отношении которой выполняются в совокупности следующие условия: доля кредитной организации превышает 10% на единственном в РФ товарном рынке либо 20% на рынке, обращающийся на котором товар обращается также на иных товарных рынках в РФ; доля организации в течение длительного периода (не менее года) увеличивается и (или) неизменно превышает указанные пороговые значения. Не может быть признано доминирующим положение организации, доля которой не превышает 10% на единственном рынке либо 20% на рынке, товар с которого обращается на иных рынках [1].

Постановление Правительства РФ от 9 июня 2007 г. № 359 (в ред. от

26.08.2013) «Об утверждении Условий признания доминирующим положения финансовой организации (за исключением кредитной организации) и Правил установления доминирующего положения финансовой организации (за исключением кредитной организации)» (далее – Постановление № 359) устанавливает аналогичные пороги для иных финансовых организаций – страховщиков, профессиональных участников рынка ценных бумаг, микрофинансовых организаций и др. [2].

Принципиально важно, что оба постановления оперируют понятием «товарный рынок» в его классическом понимании – как рынок определённого вида финансовых услуг в границах определённой территории. Установление доминирующего положения осуществляется путём последовательного определения продуктовых и географических границ товарного рынка, состава действующих на нём хозяйствующих субъектов, расчёта доли организации и анализа состояния конкуренции. Данная модель неприменима к финансовым экосистемам по четырём причинам.

Первая причина – многосторонний характер рынка. Экосистема действует одновременно на нескольких взаимосвязанных рынках (банковских услуг, страхования, электронной коммерции, облачных сервисов), причём её рыночная власть на одном рынке может быть обусловлена доминированием на другом. Перекрёстное субсидирование позволяет предлагать на одном рынке цены, недоступные конкурентам, не входящим в экосистему. Классическая методика анализа, заложенная в Постановлениях № 409 и № 359, предполагает изолированное рассмотрение каждого рынка и не учитывает эти взаимосвязи – межрыночные эффекты, при которых власть на одном рынке проистекает из положения на другом.

Вторая причина – данные как самостоятельный ресурс. Постановления № 409 и № 359 в качестве базы для расчёта доли рынка используют объём оказанных финансовых услуг. Однако ключевым конкурентным преимуществом экосистемы является не столько доля на рынке конкретной услуги, сколько объём накопленных данных о потребительском поведении. Соответственно, данные

становятся самостоятельным конкурентным ресурсом, монопольный контроль над которым может образовывать доминирующее положение даже при относительно небольшой доле на традиционно понимаемом товарном рынке – действующие постановления этот фактор не учитывают.

Третья причина – сетевая природа экосистемы. Ценность экосистемы для потребителя возрастает по мере роста числа других пользователей, что создаёт самовоспроизводящийся цикл усиления рыночной власти. Методики, основанные исключительно на статической доле рынка, не улавливают эту динамику.

Четвёртая причина – несопоставимость пороговых значений. Постановления № 409 и № 359 устанавливают пороги доминирования на уровне 10–20% рынка. Применение этих порогов к экосистеме методологически некорректно: доля экосистемы на каждом из множества охватываемых ею рынков может быть ниже порогового значения, тогда как совокупная рыночная власть – подавляющей.

Принятие в 2023 году «пятого антимонопольного пакета», введшего в Закон о защите конкуренции статью 10.1, посвящённую запрету монополистической деятельности хозяйствующих субъектов, владеющих цифровыми платформами, стало важным, но явно недостаточным шагом вперёд. Как показали В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и М. П. Рубанова, данные изменения, хотя и ввели в правовое поле понятия «цифровая платформа» и «сетевой эффект», не разрешили ключевых проблем, связанных с многосторонней природой таких рынков [3]. Эта позиция находит развитие в коллективной монографии «Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху», где под редакцией А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова и Е. А. Войниканис обосновывается необходимость системной адаптации конкурентного права к реалиям цифровой экономики [4]. В свою очередь, А. А. Запьянцев и М. Г. Щербакова проследили эволюцию российских подходов, отметив начало этапа системного регулирования платформенной экономики и обсудив перспективы регулирования экосистем [5].

2024 году был принят Федеральный закон № 539-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О защите конкуренции», усиливший контроль за

сделками экономической концентрации: с 1 сентября 2025 года сделки крупных финансовых организаций подлежат обязательному предварительному согласованию независимо от размера активов приобретаемой компании [6]. Постановлением Правительства РФ от 8 мая 2025 г. № 608 «Об установлении величин активов финансовых организаций, поднадзорных Центральному банку Российской Федерации, в целях осуществления антимонопольного контроля» установлены пороговые значения активов: для кредитных организаций – 32 млрд руб., для страховых – 1,5 млрд руб., для брокеров – 450 млн руб. и т. д. Кредитным организациям с активами свыше 25 трлн руб., страховым – свыше 300 млрд руб., страховым брокерам – свыше 2 млрд руб. необходимо получать предварительное согласие ФАС на совершение любых сделок в отношении своих конкурентов[7].

Однако все эти меры направлены на контроль экономической концентрации ex-ante, но не на текущий контроль за поведением экосистемы как единого субъекта рынка.

Коллизия 2 – между единством субъекта нарушения и множественностью лиц группы.

Данная коллизия напрямую связана с неприменимостью Постановлений № 409 и № 359 к экосистемным образованиям. Статья 10 Закона № 135-ФЗ адресована конкретному хозяйствующему субъекту, занимающему доминирующее положение. Финансовая экосистема структурно оформляется как группа лиц (ст. 9 Закона о защите конкуренции), включающая банк, страховщика, технологическую платформу и ряд нефинансовых сервисов, при этом ни одно лицо группы по отдельности может не занимать доминирующего положения на своём рынке.

Применение норм о коллективном доминировании (ч. 3 ст. 5 Закона о защите конкуренции) к данной ситуации затруднено, поскольку эта норма проектировалась для независимых конкурентов-олигополистов, а не для аффилированных членов одной группы. Для экосистем характерна иерархически выстроенная внутренняя координация, которую действующая редакция ст. 5 Закона не регулирует.

Для устранения данной коллизии необходимо дополнить ст. 5 Закона № 135-ФЗ положением, согласно которому при установлении доминирующего положения финансовой организации, входящей в экосистему, учитывается совокупная доля всех лиц, входящих в группу лиц с такой организацией, на всех рынках, охватываемых экосистемой, если доступ к этим рынкам обеспечивается через единую технологическую платформу.

Коллизия 3 – между составами злоупотребления доминированием и недобросовестной конкуренции.

Поведение финансовой экосистемы, предоставляющей преференции собственным продуктам в ущерб независимым конкурентам (самопредпочтение), может быть квалифицировано либо как злоупотребление доминированием (п. 8 ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ), либо как недобросовестная конкуренция (ст. 14.8 Закона № 135-ФЗ). Выбор квалификации влечёт разные правовые последствия: разные санкции, разные процессуальные режимы.

Показательный пример – дело о подписке «Домклик Плюс», по которому ФАС России признала ПАО «Сбербанк» и ООО СК «Сбербанк страхование жизни» нарушившими ч. 4 ст. 11 Закона о защите конкуренции [8]. При иных обстоятельствах такое же поведение могло квалифицироваться как злоупотребление доминированием или недобросовестная конкуренция. Единый критерий разграничения составов отсутствует.

Разрешение коллизии возможно через закрепление в ст. 10 Закона № 135-ФЗ специального состава «самопредпочтения» как самостоятельной формы злоупотребления для значимых финансовых платформ.

Коллизия 4 – между антимонопольным законодательством и законодательством о персональных данных.

Монопольный контроль над массивами финансовых данных потребителей, характерный для экосистем, является одновременно объектом регулирования Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [9] и потенциальным инструментом злоупотребления доминированием. Закон № 152-ФЗ ограничивает передачу данных третьим лицам без согласия

субъекта, что создаёт защищённый информационный периметр экосистемы. Антимонопольное регулирование может требовать открытия доступа к таким данным как к «необходимому ресурсу». В этом случае данные становятся самостоятельным конкурентным ресурсом, монопольный контроль над которым может образовывать доминирующее положение. Для разрешения коллизии предлагается дополнить ст. 5 Закона № 135-ФЗ критерием, учитывающим объём и уникальность данных о пользователях, а также предусмотреть «обезличенный» доступ ФАС к таким данным.

Коллизия 5 – между антимонопольным и платформенным регулированием.

С 1 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [10]. Постановлением Правительства РФ от 28 января 2026 г. № 54 утверждены критерии отнесения цифровой платформы к посредническим [11]. Между тем Закон о защите конкуренции уже содержит статью 10.1 о запрете монополистической деятельности владельцев цифровых платформ. Соотношение двух режимов не определено.

Для устранения коллизии предлагается установить, что нормы платформенного законодательства применяются субсидиарно – в части, не урегулированной антимонопольным законодательством, а при коллизии приоритет имеют положения Закона о защите конкуренции как специального закона в сфере защиты конкуренции.

Коллизия 6 – конфликт интересов при совмещении платформой ролей оператора и участника рынка.

Экосистема выступает одновременно и как оператор платформы, и как рядовой участник рынка, конкурирующий с независимыми поставщиками, что создаёт фундаментальный конфликт интересов.

Решение – законодательное закрепление принципа «равной удалённости»: посреднические цифровые платформы обязаны обеспечить недискриминационный доступ к своим сервисам для всех поставщиков, независимо от их аффили-

рованности с платформой.

Подводя итоги, можно выделить 4 ключевых предложения по внесению изменений в законодательство для более полного и всестороннего регулирования экосистем.

Во-первых, дополнить Закон № 135-ФЗ понятием «значимая финансовая платформа», под которой понимается информационная система, посредством которой финансовая организация или группа лиц предоставляет финансовые и сопряжённые с ними нефинансовые услуги не менее чем 15 миллионам физических либо 500 тысячам юридических лиц, аккумулируя данные об операциях и оказывая определяющее влияние на условия их доступа к финансовым услугам. Данное определение корреспондирует с европейской концепцией «при vratника» (gatekeeper) из Регламента ЕС № 2022/1925 (Digital Markets Act) [13].

Во-вторых, установить для значимых финансовых платформ ex-ante запреты: на самопредпочтение; на использование данных для получения преимуществ на смежных рынках без согласия потребителей; на воспрепятствование переносу данных; на дискриминационные условия доступа к платформе.

В-третьих, дополнить ст. 5 Закона № 135-ФЗ критериями, учитывающими: совокупную долю группы лиц на всех рынках, охватываемых платформой; объём и уникальность накопленных данных о пользователях; наличие и выраженность сетевых эффектов.

В-четвёртых, разграничить сферы антимонопольного и платформенного регулирования с приоритетом Закона о защите конкуренции в части пресечения монополистической деятельности.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что финансовая экосистема представляет собой качественно новый тип хозяйствующего субъекта, не охватываемый действующей системой установления доминирующего положения. Постановления № 409 и № 359, основанные на изолированном анализе отдельных товарных рынков через призму доли объёма услуг, не учитывают ключевые характеристики экосистем: многосторонний характер рынка, сетевые эффекты, роль данных как конкурентного ресурса и перекрёстное субсидирование.

Конфликт банков и маркетплейсов 2025–2026 годов, поручение Президента РФ о масштабной проверке и инициатива Минэкономразвития по меморандуму о добросовестных практиках наглядно свидетельствуют: проблема вышла за рамки ведомственных дискуссий и требует системного законодательного решения. Предлагаемые изменения в Закон о защите конкуренции – введение понятия значимой финансовой платформы, установление ex-ante запретов, модернизация критериев доминирования и разграничение сфер регулирования – позволят создать правовой механизм, способный адекватно отвечать на вызовы экосистемного доминирования, обеспечивая эффективную защиту конкуренции без подавления инновационной активности.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 26.06.2007 № 409 «Об утверждении Условий признания доминирующим положения кредитной организации и Правил установления доминирующего положения кредитной организации» / Собрание законодательства РФ. 2007. № 27. Ст. 3296.
2. Постановление Правительства РФ от 09.06.2007 № 359 (ред. от 26.08.2013) «Об утверждении Условий признания доминирующим положения финансовой организации (за исключением кредитной организации) и Правил установления доминирующего положения финансовой организации (за исключением кредитной организации)» / Собрание законодательства РФ. 2007. № 25. Ст. 3032.
3. Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Рубанова М. П. Антимонопольное регулирование цифровых платформ в условиях цифровизации товарных рынков / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – Т. 16, № 4. – С. 112–134.
4. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. –

432 с.

5. Запьянцев А. А., Щербакова М. Г. Эволюция подходов к регулированию цифровых платформ в России / Информационное общество. – 2026. – № 2. – С. 87–95.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: Федеральный закон от 28.12.2024 № 539-ФЗ / Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 53 (ч. 1). – Ст. 8549.

7. Постановление Правительства РФ от 08.05.2025 № 608 «Об установлении величин активов финансовых организаций, поднадзорных Центральному банку Российской Федерации, в целях осуществления антимонопольного контроля» (ред. от 27.10.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации. – 14.05.2025. – № 0001202505140039. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505140039> (дата обращения: 03.05.2026).

8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» / Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» / Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

10. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. – 31.07.2025. – № 0001202507310020. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310020> (дата обращения: 03.05.2026).

11. Постановление Правительства РФ от 28.01.2026 № 54 «Об утверждении дополнительных критериев отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам» / Официальный интернет-портал правовой информации. – 29.01.2026. – № 0001202601290037. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601290037> (дата обращения: 03.05.2026).

УДК 340

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ

Чжао Хуэйхай

магистрант

Научный руководитель: Дамбаева Изабелла Владимировна,

к.ю.н., доцент

УРГЭУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,

город Екатеринбург

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы правовой охраны интеллектуальной собственности, связанной с генетическими ресурсами и традиционными знаниями. Анализируются международные и национальные механизмы защиты, включая положения международных соглашений и российского законодательства. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования доступа к генетическим ресурсам, распределения выгод от их использования, а также защите прав коренных народов на традиционные знания.*

***Annotation.** The article discusses the legal protection of intellectual property related to genetic resources and traditional knowledge. It analyzes international and national protection mechanisms, including the provisions of international agreements and Russian legislation. Special attention is paid to the legal regulation of access to genetic resources, the distribution of benefits from their use, and the protection of indigenous peoples' rights to traditional knowledge.*

***Ключевые слова:** генетические ресурсы, традиционные знания, интеллектуальная собственность, правовая охрана, биологическое разнообразие, доступ и распределение выгод*

***Keywords:** genetic resources, traditional knowledge, intellectual property, le-*

gal protection, biodiversity, access, and distribution of benefits

Защита интеллектуальной собственности на генетические ресурсы и традиционные знания представляет собой одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений современного международного и национального права. Это обусловлено тем, что сами по себе генетические ресурсы и традиционные знания не всегда вписываются в классическую систему объектов интеллектуальной собственности, закреплённую в международных соглашениях и национальных законодательствах. Генетические ресурсы рассматриваются как материальные носители генетической информации, обладающие реальной или потенциальной ценностью, тогда как традиционные знания представляют собой накопленные знания, практики и инновации коренных и местных сообществ, передаваемые из поколения в поколение [1].

Ключевым международным документом, регулирующим отношения в данной сфере, является Конвенция о биологическом разнообразии, принятая в 1992 году. В соответствии с её положениями государства обладают суверенными правами на свои природные ресурсы, включая генетические, а доступ к ним должен осуществляться на основе предварительного обоснованного согласия и на взаимовыгодных условиях [2]. Дальнейшее развитие данных положений получило в Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и справедливом распределении выгод, который устанавливает более детализированные механизмы доступа к ресурсам и распределения выгод от их использования, включая необходимость учета интересов носителей традиционных знаний [3].

Вместе с тем система классических институтов интеллектуальной собственности, закреплённая, в частности, в Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, не обеспечивает полной защиты традиционных знаний и генетических ресурсов. Данное соглашение ориентировано на охрану изобретений, товарных знаков, авторских прав и других традиционных объектов, тогда как коллективный и нематериальный характер традиционных знаний делает их правовую защиту затруднительной [4]. Например, традиционные знания зачастую не соответствуют критериям новизны и изобрета-

тельского уровня, что исключает возможность их патентной охраны.

Особую проблему представляет биопиратство, под которым понимается неправомерное использование генетических ресурсов и традиционных знаний без согласия их носителей и без справедливого распределения выгод. В научной литературе приводятся многочисленные примеры патентования фармацевтических и сельскохозяйственных разработок, основанных на традиционных знаниях коренных народов, без указания источника происхождения этих знаний [5]. В этой связи всё большее значение приобретает требование раскрытия происхождения генетического материала при подаче патентных заявок, которое обсуждается на уровне Всемирная организация интеллектуальной собственности.

На национальном уровне правовая охрана генетических ресурсов и традиционных знаний реализуется фрагментарно. В Российской Федерации отдельные аспекты регулирования содержатся в Гражданский кодекс Российской Федерации, регулирующем вопросы интеллектуальной собственности, однако специальные нормы, посвящённые традиционным знаниям, отсутствуют [6]. В то же время положения о защите прав коренных малочисленных народов закреплены в федеральном законодательстве, включая Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», однако они носят преимущественно социально-правовой характер и не обеспечивают полноценной охраны традиционных знаний как объекта интеллектуальной собственности [7].

Современные подходы к решению обозначенных проблем включают разработку *sui generis* систем правовой охраны, специально предназначенных для защиты традиционных знаний и генетических ресурсов. Такие системы предполагают признание коллективных прав сообществ, установление механизмов регистрации и документирования знаний, а также обязательное распределение выгод от их коммерческого использования [8]. Кроме того, важную роль играет создание национальных баз данных традиционных знаний, которые позволяют предотвращать их незаконное патентование.

Таким образом, защита интеллектуальной собственности на генетические ресурсы и традиционные знания требует комплексного подхода, включающего совершенствование международных механизмов, развитие национального законодательства и учет интересов коренных народов. Отсутствие универсальной правовой модели в данной сфере обуславливает необходимость дальнейших научных исследований и разработки эффективных правовых инструментов, обеспечивающих баланс интересов государства, бизнеса и носителей традиционных знаний.

Продолжая исследование заявленной проблематики, представляется обоснованным более подробно остановиться на перспективах развития правовых механизмов охраны генетических ресурсов и традиционных знаний в условиях усиливающейся глобализации и трансформации международного правового пространства. Следует подчеркнуть, что современное состояние регулирования в данной сфере характеризуется высокой степенью фрагментарности, что обусловлено как особенностями самих объектов правовой охраны, так и отсутствием единых подходов к их юридической квалификации.

В первую очередь обращает на себя внимание возрастающее значение международных институтов, участвующих в формировании универсальных подходов к защите рассматриваемых объектов. В частности, существенную роль играет деятельность Всемирной организации интеллектуальной собственности, в рамках которой функционирует Межправительственный комитет по интеллектуальной собственности и генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору. Работа данного органа направлена на выработку международных стандартов, предусматривающих создание механизмов предотвращения неправомерного использования традиционных знаний, а также закрепление обязательств государств по их правовой охране [8]. Следует отметить, что данные процессы свидетельствуют о постепенном формировании глобальной системы регулирования в рассматриваемой сфере.

Вместе с тем анализ действующих международных соглашений позволяет сделать вывод о том, что они носят преимущественно рамочный характер. Так,

положения Конвенции о биологическом разнообразии и Нагойского протокола закрепляют базовые принципы доступа к генетическим ресурсам и распределения выгод от их использования, однако не содержат детализированных процедур их реализации [2; 3]. Это обуславливает необходимость их конкретизации на уровне национальных правовых систем, что, в свою очередь, приводит к различиям в практике применения указанных норм.

Особое значение в данном контексте приобретает проблема соотношения прав на генетические ресурсы и прав интеллектуальной собственности. В отличие от традиционных объектов интеллектуальной собственности, генетические ресурсы обладают материальной природой и находятся под юрисдикцией соответствующего государства, что прямо вытекает из положений международного права [2]. В связи с этим возникает необходимость разграничения прав на сами ресурсы и прав на результаты их использования, включая разработки, созданные на основе генетической информации.

Дополнительно следует учитывать специфику традиционных знаний, которые, как правило, носят коллективный характер и не имеют конкретного автора. Данное обстоятельство существенно затрудняет их включение в систему классических институтов интеллектуальной собственности, ориентированных на индивидуализацию прав [4]. В научной литературе обоснованно указывается на необходимость разработки специальных правовых режимов, способных учитывать особенности коллективного владения и передачи знаний.

Важным направлением развития правового регулирования выступает создание механизмов документирования традиционных знаний. Формирование специализированных реестров и баз данных позволяет не только обеспечить их сохранение, но и предотвратить случаи неправомерного патентования. Практика ряда государств демонстрирует, что подобные инструменты могут эффективно использоваться патентными ведомствами при проверке критериев новизны заявляемых изобретений [5]. Таким образом, документирование выступает не только как средство защиты, но и как элемент превентивного регулирования.

Наряду с этим особую актуальность приобретает вопрос справедливого

распределения выгод, получаемых от использования генетических ресурсов и традиционных знаний. В соответствии с положениями Нагойского протокола такие выгоды могут выражаться как в финансовой, так и в нефинансовой форме, включая передачу технологий, подготовку специалистов и развитие инфраструктуры [3]. Реализация данных механизмов направлена на обеспечение баланса интересов между государствами, научным сообществом и носителями традиционных знаний.

Следует также отметить, что на национальном уровне правовое регулирование рассматриваемой сферы находится на различных стадиях развития. В Российской Федерации отдельные элементы правовой охраны закреплены в гражданском законодательстве, однако специализированные нормы, направленные на защиту традиционных знаний, отсутствуют [6]. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правовой базы с учётом международных стандартов и национальных особенностей.

Отдельного внимания заслуживает правовое положение коренных народов как носителей традиционных знаний. Несмотря на наличие законодательных гарантий их прав, данные нормы преимущественно ориентированы на социальную защиту и не обеспечивают полноценной охраны соответствующих знаний как объекта интеллектуальной собственности [7]. В этой связи представляется целесообразным развитие правовых механизмов, направленных на признание коллективных прав таких сообществ и обеспечение их участия в распределении выгод.

Кроме того, следует учитывать влияние научно-технического прогресса на развитие рассматриваемых отношений. Активное использование генетических ресурсов в биотехнологиях и фармацевтике обуславливает необходимость формирования прозрачных и справедливых правил доступа к ним. Отсутствие таких правил может привести к возникновению конфликтов интересов и снижению уровня международного сотрудничества.

В контексте дальнейшего развития правового регулирования представляется обоснованным применение комплексного подхода, предполагающего со-

четание международных и национальных механизмов. Такой подход должен включать разработку специальных правовых режимов, совершенствование процедур доступа к генетическим ресурсам, а также усиление контроля за соблюдением прав носителей традиционных знаний.

Таким образом, проведённый анализ позволяет заключить, что развитие системы правовой охраны генетических ресурсов и традиционных знаний требует согласованных действий на международном и национальном уровнях. При этом ключевыми задачами остаются обеспечение справедливого распределения выгод, предотвращение неправомерного использования ресурсов и защита прав коренных народов.

В заключение следует отметить, что рассматриваемая проблематика сохраняет высокий уровень актуальности в условиях глобализации и развития технологий. Значение генетических ресурсов и традиционных знаний будет неизбежно возрастать, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования и углубления научных исследований в данной области.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ [ред. от 23.07.2025]
2. Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 30.04.1999 N 82-ФЗ [ред. от 13.07.2020]
3. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) / Сборник международных договоров Российской Федерации.
4. Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и справедливом распределении выгод (Нагойя, 29 октября 2010 г.).
5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) / Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации.
6. Камышанский В. П. Интеллектуальная собственность: учебник. – М.: Норма, 2021. – 400 с.

7. Доклад о деятельности Межправительственного комитета по интеллектуальной собственности и генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Женева. – URL: <https://www.wipo.int> (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 340

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СОГЛАШЕНИЯ ТРИПС

Чжао Хуэйхай

магистрант

Научный руководитель: Дамбаева Изабелла Владимировна,

к.ю.н., доцент

УРГЭУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,

город Екатеринбург

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые основы деятельности Всемирная торговая организация и анализируется значение Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в системе международного регулирования интеллектуальной собственности. Раскрываются цели, структура и основные принципы функционирования ВТО, а также особенности правового механизма защиты прав интеллектуальной собственности в рамках соглашения TRIPS. Особое внимание уделяется обязательствам государств-участников, вопросам гармонизации национального законодательства и проблемам реализации норм соглашения в современных условиях.*

***Annotation.** The article examines the legal basis of the World Trade Organization and analyzes the importance of the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights in the system of international intellectual property regulation. The objectives, structure and basic principles of the WTO functioning are revealed, as well as the specifics of the legal mechanism for the protection of intellectual property rights under the TRIPS agreement. Special attention is paid to the obligations of the participating States, the issues of harmonization of national legislation and the problems of implementing the norms of the agreement in modern conditions.*

Ключевые слова: всемирная торговая организация, TRIPS, интеллекту-

альная собственность, международное право, защита прав, торговля, гармонизация законодательства

Keywords: *World Trade Organization, TRIPS, intellectual property, international law, protection of rights, trade, and harmonization of legislation*

Всемирная торговая организация представляет собой ключевой международный институт, регулирующий систему мировой торговли. Она была создана на основании Марракешского соглашения об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 года и начала функционировать с 1 января 1995 года [3]. Основной целью деятельности ВТО является либерализация международной торговли, обеспечение предсказуемости торговых отношений между государствами и снижение торговых барьеров. Важным направлением её деятельности выступает регулирование вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, что обусловлено её значением в современной экономике знаний.

Особое место в системе соглашений ВТО занимает Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, которое устанавливает минимальные стандарты охраны и защиты прав интеллектуальной собственности для всех государств – членов организации [5]. Принятие данного соглашения стало важным этапом в развитии международного права, поскольку впервые нормы в сфере интеллектуальной собственности были интегрированы в систему международной торговли. Соглашение TRIPS распространяется на такие объекты, как авторское право, товарные знаки, патенты, географические указания, промышленные образцы и коммерческая тайна.

Соглашение TRIPS закрепляет основные принципы международного торгового права, включая принцип национального режима и принцип наибольшего благоприятствования [5]. В соответствии с принципом национального режима государства обязаны предоставлять иностранным правообладателям такую же правовую защиту, как и своим гражданам. Принцип наибольшего благоприятствования предполагает недискриминационное предоставление преимуществ всем членам ВТО. Данные положения направлены на создание единых условий для участников международной торговли и предотвращение недобросовестной

конкуренции.

Значительное внимание в соглашении уделяется вопросам обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности. Государства-участники обязаны предусмотреть эффективные правовые средства защиты, включая судебные и административные процедуры, меры по предотвращению нарушений и санкции за их совершение [5]. Кроме того, соглашение содержит положения о разрешении споров, которые реализуются через механизм урегулирования споров ВТО. Данный механизм обеспечивает возможность государствам защищать свои интересы в случае нарушения обязательств другими участниками.

Вместе с тем применение соглашения TRIPS на практике сопровождается рядом проблем. В частности, развивающиеся страны сталкиваются с трудностями при имплементации его норм в национальное законодательство, что связано с необходимостью значительных финансовых и институциональных ресурсов [2]. Также в научной литературе отмечается, что строгие стандарты охраны интеллектуальной собственности могут ограничивать доступ к технологиям и лекарственным средствам, что особенно актуально в сфере здравоохранения [5].

В Российской Федерации положения соглашения TRIPS реализуются через национальное законодательство, прежде всего через нормы Гражданский кодекс Российской Федерации, регулирующие вопросы интеллектуальной собственности [1]. Вступление России в ВТО в 2012 году обусловило необходимость приведения национальной правовой системы в соответствие с международными обязательствами, что повлекло за собой совершенствование механизмов правовой охраны и защиты прав правообладателей.

Таким образом, соглашение TRIPS является важнейшим элементом международной правовой системы, обеспечивающим единые стандарты защиты интеллектуальной собственности в условиях глобализации. Несмотря на существующие проблемы, его значение для развития международной торговли и правовой гармонизации национальных законодательств остается ключевым.

Развивая ранее сделанные выводы, представляется оправданным более

подробно остановиться на влиянии Соглашения TRIPS на трансформацию национальных правовых систем в сфере охраны интеллектуальной собственности. Следует подчеркнуть, что данное соглашение выполняет не только функцию закрепления минимальных стандартов правовой защиты, но и выступает своеобразным инструментом унификации законодательства государств — членов Всемирной торговой организации. В условиях интернационализации экономических связей это приобретает особое значение, поскольку способствует формированию сопоставимых правовых режимов и снижению уровня правовой неопределённости в трансграничных отношениях.

Прежде всего, необходимо отметить, что Соглашение TRIPS возлагает на государства-участники обязанность привести национальное законодательство в соответствие с установленными международными стандартами [4]. При этом речь идёт не только о формальном закреплении соответствующих норм, но и о создании действенных механизмов их реализации. В частности, государствам надлежит обеспечить функционирование эффективной системы судебной и административной защиты прав интеллектуальной собственности, а также предусмотреть меры, направленные на предупреждение и пресечение правонарушений.

Вместе с тем особое значение приобретает вопрос правоприменительной практики. Как показывает анализ, наличие нормативной базы само по себе не гарантирует её эффективного функционирования. Именно поэтому в Соглашении TRIPS значительное внимание уделяется вопросам обеспечения соблюдения прав, включая применение гражданско-правовых, административных и уголовно-правовых средств защиты [4]. Данные положения направлены на создание комплексной системы, обеспечивающей не только формальную, но и фактическую защиту прав правообладателей.

Нельзя не отметить и специфику положения Соглашения TRIPS в системе международного права. В отличие от многих иных международных актов в сфере интеллектуальной собственности, оно интегрировано в механизм регулирования международной торговли. Это проявляется, в частности, в возможно-

сти применения санкционных мер в отношении государств, нарушающих его положения. Соответствующие процедуры реализуются в рамках механизма разрешения споров Всемирной торговой организации, что придаёт нормам соглашения дополнительную степень обязательности [3].

Вместе с тем следует учитывать, что процесс имплементации положений Соглашения TRIPS сопровождается рядом объективных трудностей, особенно для государств с развивающейся экономикой. В научной литературе обоснованно указывается, что внедрение высоких стандартов правовой охраны требует значительных финансовых, организационных и кадровых ресурсов [2]. Более того, усиление защиты прав интеллектуальной собственности в ряде случаев может ограничивать доступ к инновациям, в частности к лекарственным средствам, что вызывает серьёзные дискуссии на международном уровне [5].

В этой связи особую значимость приобретают предусмотренные соглашением механизмы гибкости, позволяющие учитывать национальные интересы государств. К числу таких механизмов относятся, например, положения о принудительном лицензировании, допускающие использование объектов патентного права без согласия правообладателя в строго определённых случаях, включая обеспечение общественного здоровья [4]. Данные нормы направлены на достижение баланса между интересами правообладателей и общественными потребностями.

Дополнительно следует обратить внимание на влияние Соглашения TRIPS на развитие национальных экономик. С одной стороны, усиление правовой охраны интеллектуальной собственности способствует привлечению инвестиций и стимулирует инновационную активность. С другой стороны, чрезмерная защита может создавать барьеры для распространения технологий, что особенно чувствительно для государств, находящихся на стадии экономического развития. В связи с этим возникает необходимость поиска оптимального соотношения между уровнем правовой защиты и доступностью результатов интеллектуальной деятельности.

Особую роль в реализации положений Соглашения TRIPS играет нацио-

нальное законодательство. В Российской Федерации его нормы получили развитие в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующей сферу интеллектуальной собственности [1]. Присоединение России к Всемирной торговой организации обусловило необходимость модернизации правовой системы и приведения её в соответствие с международными обязательствами, что выразилось в совершенствовании механизмов защиты прав и усилении ответственности за их нарушение.

Следует также отметить, что процесс гармонизации законодательства носит взаимный характер. С одной стороны, государства адаптируют своё право к международным стандартам, с другой — сами международные нормы эволюционируют под воздействием практики их применения. В этом контексте Соглашение TRIPS можно рассматривать как динамичный инструмент регулирования, способный реагировать на изменения в экономике и технологиях.

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровизации на сферу интеллектуальной собственности. Развитие информационных технологий и глобальных сетей обуславливает появление новых форм использования объектов интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, требует адаптации правовых механизмов их защиты. Трансграничный характер цифровых правонарушений существенно осложняет процесс их пресечения, что делает актуальным дальнейшее развитие международного сотрудничества в данной сфере.

Важным направлением является углубление взаимодействия государств в рамках Всемирной торговой организации. Такое сотрудничество проявляется не только в выполнении обязательств, но и в обмене опытом, а также в совместной выработке подходов к решению актуальных проблем правового регулирования. Это способствует формированию более согласованной и эффективной системы защиты интеллектуальной собственности на международном уровне.

Можно констатировать, что развитие и применение Соглашения TRIPS представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Оно, с одной стороны, обеспечивает единые стандарты правовой охраны, а с другой — требует учёта

разнообразия экономических и социальных условий различных государств.

В заключение следует подчеркнуть, что значение Соглашения TRIPS в системе международного права продолжает возрастать. В условиях глобализации и стремительного технологического прогресса оно выступает ключевым элементом регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, обеспечивая баланс интересов государств, правообладателей и общества в целом.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ [ред. от 23.07.2025]
2. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. – М.: Международные отношения, 2002. – 608 с.
3. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) / Документы Всемирной торговой организации.
4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) / Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации.
5. Доклад о доступе к лекарственным средствам и праве интеллектуальной собственности / Всемирная организация здравоохранения. – URL: <https://www.who.int> (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 340

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РЕГУЛИРОВАНИИ КРИПТОВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Чжоу Чун

магистрант

Научный руководитель: Коркин Андрей Владимирович,

к.ю.н., доцент

УРГЭУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
город Екатеринбург

***Аннотация.** В условиях стремительной цифровизации финансовой системы особую значимость приобретает исследование механизмов государственного регулирования криптовалютных операций. Настоящая статья направлена на комплексный анализ роли государственных органов и судебной практики в формировании правового режима обращения цифровых активов в Российской Федерации. В работе рассматриваются правовые особенности цифровых финансовых активов и цифровой валюты, закрепленные в действующем законодательстве, а также исследуются полномочия уполномоченных государственных органов, прежде всего Банка России и иных субъектов финансового контроля. Отдельное внимание уделяется проблемным аспектам правоприменения, обусловленным отсутствием единообразия в квалификации криптовалютных операций. Кроме того, анализируется судебная практика, формирующая подходы к разрешению споров, связанных с оборотом цифровых активов. В результате делается вывод о том, что именно судебная практика в современных условиях во многом восполняет существующие пробелы нормативного регулирования и способствует выработке устойчивых правовых позиций в данной сфере.*

Annotation. *In the context of the rapid digitalization of the financial system, the study of the mechanisms of state regulation of cryptocurrency transactions is of particular importance. This article aims to provide a comprehensive analysis of the role of state bodies and judicial practice in shaping the legal regime for the circulation of digital assets in the Russian Federation. The article examines the legal features of digital financial assets and digital currency, as defined in current legislation, and explores the powers of authorized state bodies, primarily the Bank of Russia and other financial control entities. Special attention is given to the problematic aspects of law enforcement, which are caused by the lack of uniformity in the classification of cryptocurrency transactions. In addition, the article analyzes judicial practice that forms approaches to resolving disputes related to the circulation of digital assets. As a result, it is concluded that judicial practice in modern conditions largely fills in the gaps.*

Ключевые слова: *криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, государственное регулирование, судебная практика, Банк России, правовое регулирование*

Keywords: *cryptocurrency, digital currency, digital financial assets, government regulation, judicial practice, Bank of Russia, legal regulation*

В условиях активной цифровизации финансово-экономических процессов формирование правового механизма регулирования криптовалютных операций приобретает особую значимость. Следует отметить, что развитие цифровых технологий существенно опережает нормативное регулирование, вследствие чего государство вынуждено адаптировать правовую систему к новым экономическим реалиям. В российской правовой системе регулирование оборота криптовалют носит фрагментарный характер, что обусловлено как сложностью правовой природы данных объектов, так и отсутствием единообразного международного подхода к их правовому статусу.

Базовым нормативным актом, закрепляющим правовые основы обращения цифровых активов, является Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» [2]. Указанный закон

вводит принципиальное разграничение между цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, при этом последняя прямо не признаётся законным средством платежа на территории Российской Федерации. Данное положение свидетельствует о сдержанной позиции законодателя, направленной на ограничение широкого использования криптовалют в расчетных отношениях и минимизацию потенциальных рисков для финансовой системы государства.

Существенная роль в формировании правового режима криптовалютных операций принадлежит государственным органам, в первую очередь Банк России. В рамках своих полномочий данный орган осуществляет регулирование и надзор за финансовым рынком, а также формирует официальную позицию государства по вопросам обращения цифровых активов [4]. Анализ правовых актов и публичных разъяснений Банка России позволяет сделать вывод о последовательном проведении политики, направленной на ограничение использования криптовалют как платежного инструмента. Такая позиция обосновывается высоким уровнем рисков, включая волатильность цифровых активов, отсутствие гарантий защиты прав участников оборота и возможность их использования в противоправных целях.

Наряду с Банком России определённые функции в рассматриваемой сфере осуществляют и иные государственные органы, в частности Федеральная налоговая служба и Росфинмониторинг. Так, ФНС России реализует контрольные полномочия в части налогообложения доходов, полученных от операций с цифровой валютой, что подтверждается официальными разъяснениями налоговых органов [5]. В свою очередь, Росфинмониторинг осуществляет деятельность по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём, что приобретает особую актуальность с учётом специфики криптовалютных транзакций, характеризующихся повышенной степенью анонимности [6].

Несмотря на наличие определённой нормативной базы, практика её применения свидетельствует о наличии существенных пробелов и противоречий. В частности, отсутствует единообразный подход к определению правовой природы криптовалюты, что затрудняет её квалификацию в рамках действующего

гражданского законодательства. В этой связи особую значимость приобретает судебная практика, которая фактически выполняет компенсаторную функцию, восполняя недостатки нормативного регулирования.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что российские суды в ряде случаев склоняются к признанию криптовалюты объектом имущественных прав. Так, в рамках дела № А40-124668/2017 арбитражный суд пришёл к выводу о возможности включения криптовалюты в конкурсную массу должника [3]. Данное решение имеет принципиальное значение, поскольку свидетельствует о признании экономической ценности цифровых активов и их способности выступать в качестве объекта гражданских правоотношений. В последующем аналогичные подходы находят отражение и в иных судебных актах, что позволяет говорить о постепенном формировании устойчивой правоприменительной практики.

Вместе с тем судебная практика демонстрирует расширение механизмов защиты прав участников криптовалютных отношений. Судами рассматриваются споры, связанные как с неисполнением обязательств по передаче цифровых активов, так и с неправомерным их списанием с электронных кошельков. При разрешении подобных дел суды, как правило, применяют общие положения гражданского законодательства, что обусловлено отсутствием специальных норм, детально регулирующих данные правоотношения [1]. Такой подход представляется оправданным, поскольку позволяет обеспечить минимальный уровень правовой защиты участников оборота.

Особого внимания заслуживает проблема доказывания в спорах, связанных с криптовалютными операциями. Децентрализованный характер блокчейн-технологий существенно усложняет процесс установления принадлежности цифровых активов конкретному лицу. В этой связи судебная практика вырабатывает подходы, при которых в качестве доказательств принимаются сведения, полученные из электронных кошельков, данные о совершённых транзакциях, а также иные цифровые следы, подтверждающие участие лица в соответствующих операциях.

Вместе с тем нельзя не отметить наличие определённых трудностей, связанных с отсутствием единообразия судебных подходов. Различия в квалификации криптовалюты, а также в распределении рисков между участниками правоотношений свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования. Представляется, что формирование единых правоприменительных стандартов возможно лишь при условии комплексного взаимодействия законодательной и судебной власти.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях государственные органы и судебная практика играют ключевую роль в регулировании криптовалютных операций. При этом, если государственные органы формируют нормативную основу и определяют стратегию регулирования, то судебная практика обеспечивает её конкретизацию и адаптацию к реальным экономическим отношениям. В совокупности это способствует формированию более устойчивой и предсказуемой правовой среды в сфере обращения цифровых активов.

В современных условиях трансформации финансово-экономических отношений особую актуальность приобретает вопрос институционального обеспечения регулирования операций с криптовалютами. Следует подчеркнуть, что действующая модель правового регулирования в Российской Федерации формируется как многокомпонентная система, в рамках которой компетенции распределены между различными государственными органами. При этом результативность такого регулирования во многом определяется степенью согласованности их деятельности, а также единообразием правовых подходов к определению статуса цифровых активов.

Прежде всего, необходимо отметить возрастающее значение Банка России, выступающего в качестве ключевого регулятора финансового рынка. Наряду с реализацией надзорных функций, данный орган принимает активное участие в формировании концептуальных основ регулирования цифровых активов. В частности, прослеживается последовательная позиция, направленная на ограничение использования криптовалют в качестве средства платежа, при

одновременном развитии альтернативных цифровых инструментов, таких как цифровой рубль. Подобный подход, по-видимому, обусловлен стремлением обеспечить стабильность национальной финансовой системы и сохранить контроль над денежным обращением.

Вместе с тем нельзя не отметить усиление роли налоговых органов в регулировании операций с цифровыми активами. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что доходы, получаемые в результате совершения криптовалютных операций, подлежат налогообложению в общем порядке. При этом отсутствие детализированных норм, регламентирующих порядок определения налоговой базы, порождает необходимость выработки единых методологических подходов к квалификации соответствующих доходов.

Особое место в системе государственного контроля занимает деятельность Росфинмониторинга, направленная на противодействие легализации доходов, полученных преступным путём. В условиях распространения криптовалют данный орган активно внедряет современные аналитические инструменты, позволяющие отслеживать транзакции в блокчейн-сетях. Несмотря на децентрализованный характер таких операций, это позволяет выявлять потенциально подозрительные финансовые потоки и устанавливать взаимосвязи между их участниками.

Следует также обратить внимание на участие правоохранительных органов в регулировании рассматриваемой сферы. В рамках расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют, формируются практические механизмы выявления, изъятия и последующего обращения цифровых активов. Вместе с тем отсутствие чёткого нормативного закрепления соответствующих процедур обуславливает возникновение значительных правоприменительных сложностей, требующих дальнейшего законодательного урегулирования.

Особую роль в условиях недостаточной нормативной определённости играет судебная практика. Именно судебные органы, рассматривая конкретные споры, фактически формируют подходы к применению действующего законо-

дательства в отношении криптовалютных операций. Как показывает анализ судебных актов, суды всё чаще сталкиваются с необходимостью квалификации цифровых активов, что способствует постепенному формированию устойчивых правовых позиций.

Так, в дополнение к ранее рассмотренным примерам, можно отметить, что в арбитражной практике возникают споры, связанные с исполнением обязательств, выраженных в криптовалюте. В подобных ситуациях суды, как правило, исходят из того, что криптовалюта не обладает статусом законного средства платежа, однако может рассматриваться в качестве имущества, имеющего определённую экономическую ценность. Соответственно, отношения, связанные с её передачей, подлежат регулированию общими нормами гражданского законодательства.

Наряду с этим судебная практика демонстрирует тенденцию к применению традиционных правовых конструкций при разрешении споров, связанных с неправомерным доступом к цифровым кошелькам. В ряде случаев такие действия квалифицируются как посягательство на имущество, что позволяет использовать механизмы гражданско-правовой и уголовно-правовой защиты. При этом существенной проблемой остаётся процесс доказывания принадлежности цифровых активов конкретному субъекту, что обусловлено спецификой блокчейн-технологий.

Отдельного внимания заслуживает вопрос распределения рисков между участниками криптовалютных операций. Судебная практика, как правило, исходит из того, что использование цифровых активов сопряжено с повышенным уровнем риска, включая их высокую волатильность и отсутствие гарантий со стороны государства. В связи с этим на участников подобных отношений возлагается обязанность проявлять разумную осмотрительность, что находит отражение в соответствующих судебных решениях.

Кроме того, в правоприменительной практике постепенно формируются подходы к возможности обращения взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства. Несмотря на отсутствие прямого законодательно-

го регулирования, суды в отдельных случаях допускают квалификацию цифровых активов как имущества должника. Однако практическая реализация таких решений связана с рядом объективных трудностей, включая технические особенности доступа к криптовалютным кошелькам.

Следует отметить, что развитие российской судебной практики происходит с учётом международного опыта. В зарубежных правовых порядках криптовалюта в ряде случаев уже признана объектом имущественных прав, что способствует более чёткому регулированию соответствующих отношений. Указанные тенденции оказывают определённое влияние и на российскую правовую систему, стимулируя процесс адаптации национального законодательства к новым экономическим реалиям.

В перспективе представляется необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования в рассматриваемой сфере. В частности, актуальным является вопрос более точного определения правового статуса криптовалюты, а также разработки эффективных механизмов защиты прав участников соответствующих правоотношений.

Кроме того, требует развития процессуальная составляющая регулирования, включая совершенствование правил доказывания и внедрение специализированных экспертных процедур. Важным направлением также является повышение уровня профессиональной подготовки судей и иных участников правоприменительной деятельности в области цифровых технологий.

В итоге можно сделать вывод о том, что государственные органы и судебная практика в совокупности формируют основу регулирования криптовалютных операций в Российской Федерации. При этом государственные органы определяют стратегические направления развития правового регулирования, тогда как судебная практика обеспечивает их адаптацию к конкретным ситуациям, возникающим в процессе экономической деятельности. Их взаимодействие способствует постепенному формированию более устойчивой и предсказуемой правовой среды в сфере обращения цифровых активов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ) [ред. от 01.04.2026] / Собрание законодательства РФ.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [ред. от 01.04.2026] / Официальный интернет-портал правовой информации.
3. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-124668/2017 [дата принятия: 15.05.2018] / Картотека арбитражных дел.
4. Банк России. О рисках использования криптовалют. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 25.04.2026).
5. Федеральная налоговая служба. Разъяснения по налогообложению операций с криптовалютой. – URL: <https://nalog.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2026).
6. Росфинмониторинг. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем– URL: <https://fedsfm.ru> (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 340

ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКОЙ

Чжоу Чун

магистранты

Научный руководитель: Коркин Андрей Владимирович,

к.ю.н., доцент

УРГЭУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
город Екатеринбург

***Аннотация.** В условиях стремительной цифровизации финансовых отношений особую актуальность приобретает вопрос правового регулирования криптовалютных операций. В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа перспектив сближения законодательства Китая в рассматриваемой сфере с международной практикой. В частности, исследуются существующие подходы китайского правопорядка к определению правовой природы криптовалют, включая действующие ограничения на их обращение и запрет использования в качестве законного средства платежа. Одновременно проводится сопоставление указанных подходов с международными стандартами регулирования, сформированными, в том числе, Financial Action Task Force, а также с практикой отдельных государств. В результате выявляются ключевые тенденции и возможные направления трансформации правового регулирования, обусловленные глобальными процессами цифровизации и развитием финансовых технологий.*

***Annotation.** The rapid digital transformation of financial relations has significantly increased the relevance of legal regulation of cryptocurrency operations. This article provides a comprehensive analysis of the prospects for harmonizing the legis-*

lation of the China in this area with international practices. In particular, it examines the current legal approaches of the Chinese legal system to the nature of cryptocurrencies, including existing restrictions on their circulation and the prohibition of their use as legal tender. At the same time, these approaches are compared with international regulatory standards developed by the Financial Action Task Force, as well as with the practices of various jurisdictions. As a result, key trends and potential directions for the evolution of legal regulation are identified, taking into account global digitalization processes and the development of financial technologies.

Ключевые слова: криптовалюта, правовая природа, Китай, цифровые активы, финансовое регулирование, гармонизация законодательства, международное право

Keywords: cryptocurrency, legal nature, China, digital assets, financial regulation, harmonization of legislation, international law

Вопрос о правовой природе криптовалют и их месте в системе финансового регулирования в последние годы приобрёл особую актуальность, что обусловлено как технологическим развитием, так и расширением сферы применения цифровых активов. При этом в различных правовых порядках наблюдаются существенно отличающиеся подходы к их правовой квалификации: от признания в качестве цифрового имущества до полного запрета оборота. В этой связи интерес представляет правовая позиция Китая, которая отличается высокой степенью государственного контроля и осторожностью в отношении децентрализованных финансовых инструментов.

Следует отметить, что китайское законодательство не содержит единого кодифицированного акта, прямо регулирующего криптовалюты как самостоятельный объект права. Вместе с тем правовой режим данных активов формируется через совокупность нормативных актов и официальных разъяснений государственных органов. Ключевым документом в данной сфере стало уведомление Народного банка Китая и других регуляторов 2017 года, которым было запрещено проведение первичного размещения токенов (ICO) и ограничена деятельность криптовалютных бирж [2]. Впоследствии регулирование было суще-

ственно ужесточено, и в 2021 году Народный банк Китая официально признал все операции с криптовалютами незаконными финансовыми операциями [3].

Такой подход обусловлен, прежде всего, стремлением государства обеспечить финансовую стабильность, предотвратить отток капитала и минимизировать риски, связанные с использованием криптовалют в противоправных целях. В данном контексте криптовалюта в китайском праве не признаётся законным платёжным средством и не может использоваться в качестве универсального эквивалента стоимости. Вместе с тем в судебной практике Китая прослеживается тенденция к признанию криптовалюты в качестве объекта гражданских прав, обладающего определённой имущественной ценностью, что свидетельствует о двойственной правовой природе данного феномена [1].

В отличие от китайской модели, международная практика характеризуется более гибким и дифференцированным подходом к регулированию криптовалютных операций. Значительную роль в формировании единых стандартов играет Financial Action Task Force, которая разрабатывает рекомендации по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. В частности, в обновлённых рекомендациях FATF криптовалюты рассматриваются как «виртуальные активы», а государства призываются внедрять механизмы их контроля, включая идентификацию пользователей и мониторинг транзакций [4].

Сравнительный анализ показывает, что основное различие между китайским подходом и международной практикой заключается в степени допустимости оборота криптовалют. Если большинство государств стремятся интегрировать криптовалюты в существующую финансовую систему посредством регулирования, то Китай, напротив, избрал модель фактического запрета частных криптовалют при одновременном развитии государственной цифровой валюты. Речь идёт о цифровом юане (e-CNY), который разрабатывается Народным банком Китая и рассматривается как альтернатива децентрализованным криптовалютам [5].

Перспективы гармонизации китайского законодательства с международ-

ной практикой во многом зависят от баланса между необходимостью обеспечения финансовой безопасности и стремлением к участию в глобальных экономических процессах. С одной стороны, жёсткая позиция Китая ограничивает интеграцию в международные рынки криптовалют, с другой — позволяет государству сохранять контроль над финансовой системой. В то же время нельзя исключать постепенную трансформацию правового регулирования в сторону более гибкой модели, предусматривающей ограниченное допущение криптовалют при условии строгого государственного контроля.

Таким образом, правовая природа криптовалют в китайском праве носит сложный и противоречивый характер, сочетая элементы запрета и признания имущественной ценности. Гармонизация законодательства в данной сфере представляется возможной лишь при условии выработки компромиссных решений, учитывающих как международные стандарты регулирования, так и национальные интересы государства. В условиях дальнейшего развития цифровой экономики данный вопрос будет сохранять свою актуальность и требовать комплексного научного осмысления.

Продолжая изложение заявленной проблематики, представляется целесообразным более обстоятельно рассмотреть возможные направления сближения китайского правового регулирования криптовалютных операций с международными стандартами. В условиях усиливающейся взаимосвязанности финансовых рынков и стремительного развития цифровых технологий вопрос об изолированном существовании национальных правовых режимов утрачивает свою практическую реализуемость. Это, в свою очередь, обуславливает объективную необходимость поиска компромиссных моделей правового регулирования, способных учитывать как внутренние приоритеты государства, так и глобальные тенденции.

Прежде всего, обращает на себя внимание вероятность постепенной эволюции китайской регуляторной модели в сторону её ограниченной либерализации при сохранении ведущей роли государства. Несмотря на действующие ограничения, установленные нормативными актами Народного банка Китая [3],

нельзя не отметить, что в последние годы в правовой системе страны наблюдаются признаки адаптации к новым технологическим условиям. В частности, активное внедрение цифрового юаня свидетельствует о признании государством потенциала цифровых финансовых инструментов, что, по-видимому, может в дальнейшем повлиять на формирование более гибкого подхода к регулированию иных видов цифровых активов [5].

Одновременно следует учитывать значение международных стандартов, разрабатываемых, в частности, Financial Action Task Force. В отличие от жёстких запретительных моделей, характерных для отдельных правовых порядков, рекомендации FATF ориентированы на внедрение механизмов контроля, основанных на оценке рисков, включая процедуры идентификации пользователей и мониторинга операций с виртуальными активами [4]. В этой связи не исключается возможность частичного заимствования китайским законодательством отдельных элементов риск-ориентированного регулирования, что позволило бы повысить эффективность надзора без отказа от базовых принципов государственной политики.

Важным аспектом рассматриваемой проблемы является различие в подходах к правовой квалификации криптовалют. Если в рамках международной практики преобладает тенденция к признанию их разновидностью цифрового имущества либо финансового инструмента, то в китайском праве соответствующий статус остаётся неоднозначным. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что в отдельных случаях криптовалюта признаётся объектом гражданских прав, обладающим имущественной ценностью [1]. Указанное обстоятельство позволяет говорить о наличии предпосылок для постепенного сближения правовых подходов.

Дополнительное значение приобретает проблема определения юрисдикции в отношении криптовалютных операций, которые по своей природе не связаны с конкретной территорией. В этой связи международная практика ориентирована на развитие механизмов межгосударственного сотрудничества и обмена информацией. Участие Китая в подобных процессах может способство-

вать формированию более согласованной модели регулирования и, как следствие, облегчить интеграцию в глобальную финансовую систему.

Не менее значимым представляется вопрос обеспечения правовой защиты участников криптовалютных отношений. В зарубежной практике прослеживается тенденция к усилению требований к прозрачности операций, раскрытию информации и регулированию деятельности посредников. В китайской модели данные задачи решаются преимущественно посредством административных ограничений. Однако в долгосрочной перспективе нельзя исключать постепенное внедрение элементов, направленных на повышение уровня правовой определённости и защиту интересов участников рынка.

Следует также учитывать экономические последствия действующей модели регулирования. Ограничительный подход, реализуемый в Китае, в определённой степени сдерживает участие страны в глобальном рынке цифровых активов. В то же время международный опыт свидетельствует о том, что регулируемое использование криптовалют может способствовать развитию инновационных финансовых технологий и привлечению инвестиций. В этой связи гармонизация законодательства может рассматриваться как один из инструментов повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос регулирования деятельности субъектов, предоставляющих услуги, связанные с виртуальными активами. В международной практике значительное внимание уделяется установлению требований к таким участникам рынка, включая их лицензирование и контроль со стороны государства [4]. Китайская модель, напротив, ориентирована на ограничение подобной деятельности. Тем не менее в перспективе возможно формирование регулируемого сегмента, функционирующего под жёстким государственным надзором.

При этом необходимо подчеркнуть, что процесс гармонизации не предполагает механического заимствования международных стандартов. Он должен учитывать специфику национальной правовой системы и стратегические приоритеты государства. В случае Китая ключевое значение имеет сохранение кон-

троля над финансовыми потоками, что неизбежно будет определять характер и темпы трансформации правового регулирования.

Существенную роль в данном процессе способна сыграть судебная практика. Даже в условиях действующих ограничений в китайском праве уже прослеживается тенденция к признанию криптовалюты в качестве объекта имущественных прав в рамках гражданско-правовых отношений [1]. Дальнейшее развитие подобных подходов может способствовать формированию более определённого правового статуса цифровых активов и, соответственно, сближению с международной практикой.

Наконец, нельзя не учитывать влияние технологических факторов. Развитие блокчейн-технологий и цифровых платформ неизбежно ведёт к появлению новых форм экономических отношений, требующих адекватного правового регулирования. В этих условиях как национальные правовые системы, так и международные стандарты находятся в состоянии постоянного обновления, что создаёт объективные предпосылки для их постепенного сближения.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что перспективы гармонизации китайского законодательства с международной практикой носят комплексный и многоуровневый характер. С одной стороны, существуют факторы, способствующие сближению правовых подходов, с другой — сохраняются ограничения, обусловленные особенностями национальной модели регулирования. Наиболее вероятным представляется эволюционный путь развития, при котором заимствование международных стандартов будет осуществляться избирательно и с учётом стратегических интересов государства.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшая трансформация правового регулирования криптовалютных операций в Китае будет во многом зависеть от динамики глобальных экономических процессов. В условиях цифровизации и интернационализации финансовых отношений проблема гармонизации законодательства приобретает долгосрочный характер и требует последовательного научного осмысления.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (принят 28 мая 2020 г., действует с 1 января 2021 г.) / Официальные правовые источники КНР.
2. Notice on Further Preventing and Disposing of the Risks in Virtual Currency Trading and Speculation (24 September 2021) / People's Bank of China. – URL: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения: 26.04.2026).
3. Notice on Preventing Financial Risks from Initial Coin Offerings (4 September 2017) / People's Bank of China. – URL: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения: 26.04.2026).
4. Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers: Guidance for a Risk-Based Approach. – Paris: Financial Action Task Force, 2019 (updated 2021). – URL: <https://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 26.04.2026).
5. e-CNY (Digital Yuan) Progress Report / People's Bank of China. – 2021. – URL: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения: 26.04.2026).

УДК 340

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ АТТЕСТАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

Шиндин Дмитрий Иванович

магистрант 2 курса направления подготовки 38.04.04

«Государственное и муниципальное управление»

Оренбургского филиала, РАНХиГС,

г. Оренбург, Россия

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы совершенствования аттестации управленческих кадров государственной гражданской службы. Проанализированы нормативно-правовые изменения 2025-2026 годов, выявлены ключевые направления оптимизации оценки профессиональной компетентности. Сформулированы предложения по совершенствованию кадровых технологий на государственной гражданской службе.*

***Ключевые слова:** государственная гражданская служба, аттестация управленческих кадров, профессиональная компетентность, кадровые технологии*

В связи с реформированием системы публичной власти, осуществленным Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ, вопросы модернизации кадровых технологий на государственной гражданской службе приобретают повышенную значимость. Ключевым механизмом при этом выступает аттестация управленческих кадров, позволяющая оценить соответствие служащих должностям и сформировать профессиональный кадровый состав органов публичной власти.

Для целей данной статьи необходимо представить определения основных

понятий. Под государственной гражданской службой понимается вид публичной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации [1]. Государственная служба, таким образом, представляет собой многогранную правовую конструкцию с явно выраженным социальным аспектом, интегрированную в правовую структуру страны, цель которой – гарантировать осуществление прав и свобод каждого человека и гражданина [4, с. 31].

Аттестация государственного гражданского служащего представляет собой процедуру периодической проверки квалификации, профессиональных и личностных качеств служащего, осуществляемую аттестационной комиссией в целях определения его соответствия замещаемой должности гражданской службы [1]. Журавлева С. И. отмечает, что аттестация является также условием повышения в должности [5, с. 103]. В отличие от квалификационного экзамена, который проводится для присвоения классного чина, аттестация направлена на оценку фактического уровня профессиональной компетентности и принятие кадрового решения – о продолжении служебной деятельности, переводе на другую должность либо об увольнении.

Под управленческими кадрами государственной гражданской службы понимается категория гражданских служащих, замещающих должности категории «руководители», которые осуществляют полномочия по управлению деятельностью государственных органов и их структурных подразделений, а также руководству подчиненных сотрудников [2]. Ключевой особенностью данной категории является наличие развитых управленческих компетенций, включая способность к стратегическому планированию, принятию решений, организации контроля, кадровому менеджменту и антикоррупционной устойчивости, что требует применения особых подходов при их аттестации.

Период 2025-2026 годов характеризуется существенной интенсификацией нормотворческой деятельности в сфере регулирования аттестации государственных и муниципальных служащих. Принятие Федерального закона № 33-ФЗ потребовало приведения в соответствие с новыми принципами организации публичной власти всей системы локальных правовых актов, регламентирующих кадровые процедуры [6].

Анализ регионального нормотворчества позволяет выделить несколько характерных тенденций. Во-первых, обновление Положений о проведении аттестации муниципальных служащих, которое осуществлялось на основе единых методических подходов, закрепленных в типовых положениях субъектов Российской Федерации. Во-вторых, регламентация деятельности аттестационных комиссий в конкретных органах публичной власти, как это сделано в отношении Министерства транспорта РФ, утвердившего новый Порядок работы аттестационной комиссии в 2026 году. В-третьих, унификация требований к уровню профессионального образования управленческих кадров, что нашло отражение в приказах уполномоченных органов, конкретизирующих квалификационные требования к специальностям и направлениям подготовки.

Действующая система аттестации государственных гражданских служащих, несмотря на ее формальную урегулированность, сталкивается с рядом системных проблем, требующих научного осмысления и практического разрешения.

Первая проблема связана с формальным характером проведения аттестации. Как показывает практика, аттестуемые служащие, в том числе в судебной системе, «стабильно демонстрируют глубокие профессиональные знания, а также знания законодательства о гражданской службе и продемонстрировали высокие моральные качества». Однако отсутствие дифференцированного подхода к оценке, низкий процент служащих, признаваемых не соответствующими замещаемой должности, свидетельствуют о том, что аттестация зачастую превращается в формальную процедуру, не выполняющую свою основную функцию – выявление и устранение профессиональных дефицитов.

Вторая проблема обусловлена неэффективным взаимодействием результатов аттестации в систему дополнительного профессионального образования управленческих кадров. При этом, реализация государственного образовательного сертификата, введенного Постановлением Правительства РФ № 1572 (2025 г.) [3], находится на стадии становления: отсутствует детализированный процедурный механизм, а региональные органы власти только определяют перечни должностей для предоставления государственной поддержки обучения.

Третья проблема касается недостаточной эффективности внеочередной аттестации как механизма кадрового резервирования и оптимизации штатной численности. Действующее законодательство допускает проведение внеочередной аттестации при сокращении должностей или изменении условий оплаты труда, однако практика показывает, что данный инструмент используется недостаточно активно.

На основе анализа нормативно-правовой базы и практики ее применения представляется возможным выделить несколько приоритетных направлений совершенствования системы аттестации управленческих кадров для государственной гражданской службы (таблица 1).

Таблица 1 - Проблемы и рекомендации по совершенствованию аттестации управленческих кадров

Проблема	Рекомендация
Формальный характер аттестации	Внедрение дифференцированного подхода и профилей компетенций
Слабая связь аттестации с обучением	Закрепление механизма выдачи образовательного сертификата по результатам аттестации
Недостаточная антикоррупционная составляющая	Включение в аттестацию оценки соблюдения антикоррупционных ограничений
Субъективизм оценки	Привлечение независимых экспертов в аттестационные комиссии
Отсутствие единой цифровой платформы	Внедрение автоматизированной системы тестирования и электронных портфолио

Первое направление – внедрение дифференцированного подхода к оценке профессиональной компетентности различных категорий управленческих кадров. Целесообразно разработать и внедрить профили компетенций для должностей различного уровня, что позволит оценивать соответствие служащего не

только формальным квалификационным требованиям (образование, стаж), но и управленческим компетенциям (способность к стратегическому планированию, принятию решений в условиях неопределенности, управлению персоналом, антикоррупционная устойчивость).

Второе направление – усиление антикоррупционной составляющей аттестации управленческих кадров. В условиях реализации Национального плана противодействия коррупции целесообразно включить в процедуру аттестации оценку добросовестности исполнения должностных обязанностей, соблюдения ограничений и запретов, установленных законодательством о противодействии коррупции. Как отмечается в муниципальных правовых актах, аттестация призвана способствовать «формированию кадрового состава муниципальной службы, повышению профессионального уровня муниципальных служащих», однако антикоррупционная составляющая должна быть в ней усилена.

Третье направление – интеграция системы аттестации с механизмами дополнительного профессионального образования. Введение государственного образовательного сертификата создает правовую основу для адресной поддержки служащих, нуждающихся в повышении профессионального уровня по результатам аттестации. Однако необходимо разработать четкую процедуру, при которой рекомендации аттестационной комиссии о направлении на обучение становились бы основанием для выдачи сертификата. Это позволит обеспечить неразрывную связь между оценкой и развитием профессиональных компетенций.

Четвертое направление – оптимизация периодичности и процедуры проведения аттестации. Установленный законом трехлетний период между плановыми аттестациями представляется достаточным для оценки динамики профессионального развития служащего. Однако целесообразно расширить основания для проведения внеочередной аттестации, включив в них не только сокращение должностей или изменение условий оплаты труда, но и выявление фактов неэффективного исполнения должностных обязанностей по результатам служебных проверок.

Переход к компетентностной модели оценки является ключевым трендом совершенствования системы аттестации государственных гражданских служащих. Квалификационные требования, предъявляемые к замещению должностей государственной гражданской службы, традиционно включают требования к уровню образования, стажу и направлению подготовки. Однако для управленческих кадров, занимающих руководящие должности, этого недостаточно.

Компетентностный подход предполагает оценку следующих блоков управленческих компетенций:

1. Стратегические компетенции: способность к долгосрочному планированию, видение перспектив развития отрасли/территории, умение ставить цели и определять приоритеты.

2. Коммуникативные компетенции: навыки публичных выступлений, ведения переговоров, урегулирования конфликтных ситуаций, взаимодействия с институтами гражданского общества.

3. Организационно-управленческие компетенции: способность к эффективному распределению ресурсов, делегированию полномочий, организации контроля исполнения, формированию и развитию профессиональной команды.

4. Антикоррупционные компетенции: знание антикоррупционного законодательства, способность выявлять и предотвращать коррупционные риски, нетерпимость к коррупционному поведению.

Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» установил новые принципы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления. В контексте совершенствования системы аттестации управленческих кадров это требует обеспечения преемственности аттестационных процедур на муниципальном и государственном уровнях.

Анализ обновленных муниципальных правовых актов показывает, что положения о проведении аттестации муниципальных служащих приводятся в соответствие с едиными стандартами. Это создает основу для формирования единой системы оценки профессиональных компетенций управленческих кадров

независимо от уровня публичной власти, на котором они осуществляют свою деятельность.

Дальнейшее совершенствование системы аттестации управленческих кадров для государственной гражданской службы предполагает решение следующих задач:

1) Автоматизация аттестационных процедур. Целесообразно внедрение единой цифровой платформы, обеспечивающей проведение тестирования профессиональных знаний, формирование электронных портфолио достижений служащих, дистанционное взаимодействие с аттестационной комиссией.

2) Развитие института независимой оценки качества профессиональной служебной деятельности. Привлечение независимых экспертов к работе аттестационных комиссий позволит повысить объективность оценки и снизить субъективизм.

3) Совершенствование правового регулирования последствий аттестации. Необходима детализация механизмов реализации результатов аттестации: перевод на нижестоящую должность, направление на профессиональную переподготовку, включение в кадровый резерв.

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы, регулирующей проведение аттестации государственных гражданских и муниципальных служащих, а также практики ее применения в 2025-2026 годах позволяет констатировать, что система находится в стадии активного реформирования. Основными направлениями совершенствования выступают: переход от формальной оценки к компетентностной модели; усиление антикоррупционной составляющей; интеграция с системой дополнительного профессионального образования посредством механизма государственного образовательного сертификата; обеспечение преемственности аттестационных процедур на всех уровнях публичной власти.

Реализация предложенных направлений будет способствовать формированию высокопрофессионального кадрового состава органов публичной власти, что является необходимым условием эффективного государственного управления в условиях современных вызовов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» / Собрание законодательства РФ. 2006. № 2. Ст. 171.
3. Постановление Правительства РФ от 09.10.2025 № 1572 «О государственном образовательном сертификате на дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 2025. № 41. Ст. 6046.
4. Борищук, О. Ю. Понятие, виды и система правового регулирования государственной гражданской службы / О. Ю. Борищук / XI юридические чтения. Личность, общество и государство в условиях глобальных трансформаций: юридический взгляд и правовые решения: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося юриста А. Ф. Кони, 135-летию со дня рождения видного юриста и социолога П. А. Сорокина, 30-летию Конституции Республики Коми, Сыктывкар, 04–06 апреля 2024 года. Том 11. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2024. С. 27-36.
5. Журавлев С. И. Государственная и муниципальная служба: учебник для вузов / под редакцией С. И. Журавлева, Ю. Н. Туганова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 307 с. – ISBN 978-5-534-16732-0.
6. Решение №72 «Об утверждении Положения о проведении аттестации муниципальных служащих Нефтегорского городского поселения Апшеронского района». – URL: <https://apsmi.ru/2026/03/30/150155/> (дата обращения: 04.05.2026). – Текст: электронный.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 338.48

КРЫЛЬЯ В ДЕТАЛЯХ: РАЗРАБОТКА ЭКСКУРСИИ-КВЕСТА В СЕКТОРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА

Даитова Екатерина Викторовна

студент

Научный руководитель: Старикова Елена Вячеславовна,

преподаватель

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса»,

Московская область

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема повышения attractiveness экскурсии на промышленное (машиностроительное) предприятие. Предложено дополнение стандартных средств и методов экскурсионной деятельности образовательными компонентами и внедрение игровой механики квеста.*

***Abstract.** The article discusses the problem of increasing the attractiveness of an excursion to an industrial (machine-building) enterprise. It is proposed to supplement the standard means and methods of excursion activities with educational components and the introduction of game mechanics of the quest.*

***Ключевые слова:** промышленный туризм, экскурсия-квест, промышленная экскурсия, профориентация, экскурсионная деятельность*

***Keywords:** industrial tourism, quest tour, industrial tour, career guidance, sightseeing activities*

Достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года в части реализации потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности и обеспечения технологического лидерства

страны невозможны без увеличения количества молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное развитие, а также создания эффективной системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров для приоритетных отраслей экономики.

Важным элементом, позволяющим реализовывать задачи профессиональной ориентации молодежи, является промышленный туризм. Митрофанова О. Н. отмечает, что этот вид туризма позволяет не только насладиться новыми впечатлениями, но и получить знания о работе промышленных предприятий, их истории, технике и технологиях производства. Промышленный туризм в целом оказывает положительный эффект на экономику, культуру и развитие региона [1].

Сарафанова А. Г. подчеркивает, что компаниям, занимающимся промышленным туризмом, следует сосредоточиться на предложении туристам интерактивного отдыха на базе производства, обеспечив прозрачность процесса работы, чтобы подчеркнуть высокое качество всего, что производится, тем самым способствуя повышению лояльности к бренду [4].

По мнению Рыжова С. А. - промышленный туризм сегодня не только помогает предприятиям в достижении их краткосрочных целей, связанных с подбором персонала, продвижением бренда, но и является полноценным стратегическим инструментом, который комплексно развивает предприятие [2].

Исследователи отмечают важность инструментария промышленного туризма в профориентационной работе образовательных учреждений. Так, Хворостова Я. Г. указывает на то, что экскурсии школьников на современные промышленные производства региона являются одним из элементов системы профориентационной работы, позволяющей познакомить обучающихся с особенностями технологических процессов, с условиями труда работников предприятий, узнать подробности о рабочих профессиях, вакантных местах и о сложившейся ситуации на рынке труда на текущий момент времени, а самое главное – оценить место, где они проживают с точки зрения экономического потенциала и

развития, а также эффективно сориентироваться в выборе профессии [5].

Особенно ценным, по мнению Садыковой К.Н., в рамках популяризации промышленного туризма является сотрудничество между студентами различных специальностей, например, «Туризм и гостеприимство» и «Технология машиностроения». На первый взгляд перечисленные направления могут показаться несовместимыми, однако их взаимодействие несет практическое значение. Студенты туристской специальности могут проводить экскурсии для будущих машиностроителей. В свою очередь студенты туристского направления, проводя экскурсии для машиностроителей, смогут получить ценный опыт работы с новыми аудиториями, понять специфику производственной деятельности и научиться эффективно взаимодействовать с предприятиями. Полученные знания помогут им стать более компетентными и востребованными специалистами в выбранной отрасли [3].

Но вместе с очевидными преимуществами промышленных экскурсий, исследователи отмечают и ряд проблем, с которыми сталкивается туриндустрия при реализации подобных проектов. Ярыгина Ю. С. в числе прочих выделяет проблемы с доступностью объектов (многие промышленные объекты закрыты для посещения из-за соображений безопасности, секретности или отсутствия должной подготовки) и наличие общественного предубеждения о том, что промышленность – это грязная, опасная и неинтересная сфера. По мнению автора необходимо преодолевать эти стереотипы и показывать людям, что промышленность – это не только производство, но и инновации, технологии, история [6].

Цель проекта «Крылья в деталях» - разработать интерактивную экскурсию-квест по машиностроительному предприятию, направленную на повышение привлекательности рабочих и инженерных специальностей для молодежи, формирование положительного образа промышленных предприятий и развитие практических навыков командного взаимодействия у участников.

Задачи проекта:

1. Изучение целевой аудитории и определение критериев удержания вни-

мания в производственной среде.

2. Выявление безопасных зон предприятия, пригодных для включения в маршрут экскурсии-квеста.

3. Сбор информации о ключевых технологических процессах и интересных фактах для составления сценария.

4. Разработка сюжетной линии квеста, связанной с реальными производственными задачами.

5. Разработка этапов экскурсии с заданиями, включающими поиск объектов, решение задач по предметам школьной программы соответствующих классов (естественные и точные науки), ответы на технические вопросы.

6. Проектирование маршрута экскурсии с учетом хронометража, норм безопасности и смены видов активности.

7. Разработка системы подсказок, артефактов (игровых альбомов, стикеров, конвертов с заданиями) и итогового приза.

8. Разработка и согласование с отделом охраны труда предприятия правил поведения и требования к экипировке участников.

9. Подготовка методических материалов для экскурсоводов.

10. Подготовка и реализация механики интерактивных и игровых компонентов экскурсии.

11. Проведение пилотного запуска экскурсии-квеста.

12. Сбор обратной связи от участников и представителей предприятия.

13. Анализ проблемных мест и ошибок.

14. Формирование содержания и модификаций экскурсионной программы.

15. Продвижение проекта посредством социальной сети ВКонтакте и мессенджера Макс.

Целевая аудитория проекта «Крылья в деталях» - школьники 7-11 классов. Согласно данным статистического сборника «Основные показатели в сфере образования Республики Дагестан за 2024/2025 учебный год» количество обучающихся в образовательных учреждениях республики в этих классах со-

ставляет 168028 чел., в том числе:

- 7 класс - 49952 чел.
- 8 класс - 46618 чел.
- 9 класс - 45521 чел.
- 10 класс - 14313 чел.
- 11 класс - 11624 чел.

Командой проекта проведен опрос школьников 7-11 классов из школ Махачкалы и Каспийска с целью выявления востребованности разрабатываемого экскурсионного продукта. Получены следующие результаты (таблица 1):

Таблица 1 – Результаты опроса обучающихся

	Всего		7 класс		8 класс		9 класс		10 класс		11 класс	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Количество опрошенных	84	100	15	17,9	21	25,0	28	33,3	12	14,3	8	9,5
Заинтересованы в экскурсиях на промышленные предприятия	62	73,8	11	73,3	16	76,2	24	85,7	7	58,3	4	50,0
Отдают предпочтение формату экскурсии-квеста	64	76,2	11	73,3	15	71,4	26	92,9	8	66,7	4	50,0
Считают предложенный формат оптимальным для профориентационных мероприятий	73	86,9	13	86,7	20	95,2	27	96,4	9	75,0	4	50,0

Стоит отметить, что в 10-11 классах интерес к подобным видам экскурсий значительно падает, но с учетом массовости предполагаемой целевой аудитории можно сделать вывод о том, что спрос на экскурсии в секторе промышленного туризма значительно превышает имеющееся предложение.

В реестре туристской маршрутной сети, размещенной на сайте Министерства по туризму и народным художественным промыслам Республики Дагестан (<https://mintourismrd.ru>) к объектам промышленного туризма относятся Дербентский коньячный завод, Дербентский завод игристый вин и Кизлярский

коньячный завод очевидно ориентированные на более взрослую целевую аудиторию, а также завод «Дагдизель» и стекольный завод «Дагестан Стекло Тара», более подходящие для организации экскурсий, аналогичных разрабатываемой нами.

Мы предлагаем использовать в качестве объекта показа филиал «Авиамеханический завод» АО «Концерн КЭМЗ» - современное предприятие, позволяющее познакомиться с технологиями металлообработки и различными этапами машиностроительного производства. Открытый в 2016 году завод позволит участникам экскурсии-квеста «Крылья в деталях» лично убедиться в том, что подобное производство это совсем не разлитое машинное масло, ветошь, грязь и опилки, а большие светлые цеха, дружный коллектив и руководство, заинтересованное в молодых кадрах.

Проектом предусмотрено включение в традиционные экскурсионные элементы игровой механики и соревновательного компонента. В процессе прохождения экскурсии-квеста участники, разделившись на две команды заполняют игровой альбом стикерами, полученными за правильные ответы на вопросы из школьной программы по физике, химии и геометрии, и выполнение заданий. Игровая механика также дополняется сборкой моделей самолетов Су-33 и Су-57, изготовленных методом 3D-печати, которые участники экскурсий в завершении оставляют себе в качестве сувениров.

23 апреля 2026 года на экскурсии, организованной Дагестанским региональным отделением Союза машиностроителей России в рамках Всероссийской акции «Неделя без турникетов», командой проекта проведена апробация отдельных компонентов проекта «Крылья в деталях» и получена обратная связь от школьников-участников экскурсии, их педагогов, а также специалистов Авиамеханического завода (рис. 1).

Специфика производственного процесса на машиностроительном предприятии требует особого внимания в плане обеспечения безопасности экскурсантов и сопровождающих лиц на основе следующих нормативно-правовых актов:

1. Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей».

2. Федеральный закон от 24.11.1996 №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Рисунок 1 - Апробация компонентов проекта: экскурсионной программы, интерактивных компонентов (игрового альбома и стикеров) и вариантов сувенирной продукции

3. ГОСТ Р 56643-2022. Туризм и сопутствующие услуги. Личная безопасность туриста. Общие требования.

4. ГОСТ Р ИСО 13810-2016. Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг.

Ограничения при реализации экскурсионной программы: не более 10 экскурсантов и 1 сопровождающего, экскурсанты должны быть не моложе 13 лет.

При проведении экскурсии-квеста «Крылья в деталях» должны быть обеспечены:

1. Наличие инструкций по действиям в чрезвычайных ситуациях;
2. Ознакомление с инструкциями по технике безопасности;
3. Наличие ответственного лица по технике безопасности.

4. Наличие аптечки для оказания первой доврачебной помощи;

5. Специальная экипировка экскурсантов (жилет со светоотражающими элементами);

6. Соблюдение персоналом правил безопасности на объекте;

Ожидаемые результаты реализации проекта «Крылья в деталях»:

1. Сценарий экскурсии-квеста с детальным описанием маршрута и заданий.

2. Карта-схема передвижения по территории предприятия.

3. Маркировка проблемных участков маршрута экскурсии-квеста (опасных либо не предназначенных для фото- и видеосъемки).

4. Комплект раздаточных материалов (игровые альбомы, комплекты стикеров, карточки заданий).

5. Методические рекомендации по проведению аналогичных экскурсий-квестов на других предприятиях.

Возможные направления масштабирования проекта включают в себя использование разработанных материалов для экскурсий на других предприятиях отрасли авиастроения, иных отраслей машиностроения, а также реализацию возможностей интерактивных экскурсий с элементами VR и дополненной реальности.

Таким образом, разработка проекта «Крылья в деталях» является актуальным направлением работы в части повышения аттрактивности и увеличения популярности турпродукта в секторе промышленного туризма.

Список литературы

1. Митрофанова, О. Н. Перспективы развития промышленного туризма в регионе / О. Н. Митрофанова / Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 11(481). – С. 128-137. – DOI 10.47475/1994-2796-2023-481-11-128-137.

2. Рыжов, С. А. Система оценки эффективности промышленного туризма как инструмента реализации корпоративных стратегий / С. А. Рыжов / Развитие

региональной экономики: новые возможности роста : Сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 28 мая 2025 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2025. – С. 370-376.

3. Садыкова, К. Н. Промышленный туризм как инструмент формирования профессиональных студенческих сообществ на примере Омского региона / К. Н. Садыкова / Промышленный туризм: тренды, методология, эффективные практики : Материалы Международной научно-практической конференции, Омск, 23–25 мая 2024 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2024. – С. 50-53.

4. Сарафанова, А. Г. Промышленный туризм как стратегия развития территории / А. Г. Сарафанова, А. А. Сарафанов / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2025. – № 3. – С. 69-75. – DOI 10.17308/geo/1609-0683/2025/3/69-75.

5. Хворостова, Я. Г. Промышленный туризм как форма профориентационной работы в школе / Я. Г. Хворостова / Проблемы географии Урала и сопредельных территорий : Материалы III Международной научно-практической конференции, Челябинск, 24–25 мая 2024 года. – Челябинск: ООО «Край Ра», 2024. – С. 60-64.

6. Ярыгина, Ю. С. Промышленный туризм в РФ / Ю. С. Ярыгина, Л. В. Беркасова / Современные тенденции и перспективы развития туризма в России: безопасность, транспортная логистика, сервис : Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Омск, 10–11 октября 2024 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2024. – С. 51-56.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 329.78

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Негодяева Дарья Александровна

студент

Научный руководитель: Есеева Ольга Владимировна,

к.и.н., доцент

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова», город Архангельск

Аннотация. В данной работе рассматривается влияние молодежных объединений на формирование активной гражданской позиции студентов. Практическая значимость исследования заключается в выявлении факторов, способствующих развитию гражданской позиции молодежи, а также определении основных барьеров в деятельности молодежных объединений.

This paper examines the influence of youth associations on the development of active citizenship among students. The practical significance of the study lies in identifying factors that contribute to the development of youth civic engagement and identifying the main barriers to the activities of youth associations.

Ключевые слова: гражданственность, общественные объединения, студенческая молодёжь

Keywords: citizenship, public associations, student youth

Развитие молодежной политики в Российской Федерации в последние годы приобретает особую актуальность в условиях трансформации социальных институтов, цифровизации общественной жизни и изменения характера граж-

данской активности молодежи. В этих условиях особое значение приобретают молодежные объединения и организации, выступающие посредниками между государством и молодыми гражданами. Именно через них реализуются многие инициативы, направленные на вовлечение молодежи в социальную, культурную и экономическую жизнь общества. Гражданская активность является одним из ключевых факторов развития современного общества. Молодёжь представляет собой наиболее динамичную и открытую к новым технологиям категорию общества, способной эффективно решать важные социальные проблемы. Решение вопросов формирования гражданской активности студенческой молодежи государство и общество во многом возлагают на учреждения высшего профессионального образования. Сейчас во многих вузах есть программы патриотического воспитания и развития гражданской активности студентов. Но часто получается так, что эти инициативы не слишком хорошо вписываются в реалии сегодняшнего дня, а ведь именно сейчас обществу особенно нужны люди, которые не остаются в стороне от общественной жизни.

На сегодняшний день молодежные общественные объединения в России функционируют на качественно новом уровне, что во многом обусловлено глубокой трансформацией всего общества. Этот процесс сопровождается постепенной институционализацией подобных структур: молодежные организации обрывают собственными нормами, внутренними механизмами и численности, направлениям деятельности и ценностным ориентирам делает их предметом существенного интереса для социологических исследований. На современном этапе данные формирования вынуждены адаптироваться к быстрой смене социальных ориентиров, обусловленных изменениями ценностных установок российского общества и молодежи, и нестабильности среды, представленной совокупностью внешних факторов, создающих ситуацию неопределенности и требующих от молодежных объединений постоянной адаптации. В этой среде им необходимо постоянно искать новые подходы к сотрудничеству как внутри самой молодежной среды, так и при взаимодействии с властными институтами, представителями бизнеса, средствами массовой информации.

В социологических исследованиях последних лет всё чаще поднимается вопрос о том, как именно общественная деятельность меняет идентичность молодых людей. Участие в работе объединений, как показывает практика, сводится не только к самореализации и достижению личных целей. Постепенно у студента могут меняться ценностные ориентиры, повседневные привычки, а также могут формироваться новые модели поведения в обществе.

Общественные объединения, основанные на принципах добровольности и самоуправления, формируют особую среду на социализации. В рамках такой среды студент удовлетворяет свои личные интересы и воспитывает в себе гражданскую ответственность. Кроме того, участие в деятельности объединений способствует развитию надпрофессиональных навыков, например, командная работа, публичное выступление, самоменеджмент).

Одновременно молодежные объединения служат эффективным каналом для общественного диалога между государством и молодым поколением, становятся пространством формирования социально-значимых установок и регулирования поведения в позитивном русле. В современных реалиях, когда наблюдается рост социально опасных явлений таких как преступность, зависимость, рост агрессивности, система молодежных объединений выступает своеобразной альтернативой деструктивным моделям поведения, способствуя конструктивному самоутверждению молодых граждан. Участие в подобных структурах способствует развитию самостоятельности, ответственности, умению принимать коллективные решения и проявлять инициативу.

В научной литературе термины «гражданская активность» и «гражданственность» нередко используются как близкие по смыслу, а иногда и как взаимозаменяемые. Обобщая существующие подходы (Гуляев И. И., Милорава А. Р.), можно выделить следующие составляющие гражданственности: знание своих прав и свобод и готовность их реализовывать; принятие личной ответственности за свои решения и поступки; способность к конструктивному диалогу с органами власти и общественными структурами; ощущение своей принадлежности к стране, её правовому полю и культурной традиции. Гражданская

активность представляет собой форму общественной активности, выраженную в способности индивида осуществлять важные общественные перемены и активно действовать, стремясь преобразовать общество. Также она проявляется через небезразличие к проблемам государства и общества, предусматривает способность и желание человека проявлять свою гражданскую позицию, отстаивать собственные и групповые интересы [4].

Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» одним из основных направлений реализации молодежной политики является воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации. Также термин «гражданственность» отмечается как традиционная ценность в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

На основании исследования Федерального агентства по делам молодёжи количество молодых россиян на начало 2024 года достигло 37,0 млн. человек, что составляет четверть всего населения страны [6]. Примерно каждый четвертый молодой гражданин находится в возрастной группе от 18 до 24 лет, которая часто связана с учебой в вузах. Эта категория отличается особым образом жизни, социальными нормами поведения и психологическими особенностями. Несмотря на то, что основной фокус внимания студентов направлен на учёбу и освоение будущей профессии, значительная часть молодёжи не остаётся в стороне от общественной жизни. В настоящее время действует 25 различных организаций для молодёжи и детей, и шесть из них специально созданы для студенческого сообщества. Среди них можно выделить такие известные объединения, как Всероссийский студенческий корпус спасателей, Российские студенческие отряды, Всероссийский студенческий союз, Ассоциация студентов и студенческих объединений России, движение «Студенты России» и Ассоциация студенческих спортивных клубов России [7]. Кроме того, молодые люди активно

включаются в деятельность молодёжных парламентов как регионального, так и федеральных уровней, а также участвуют в работе различных государственных структур. Всё это наглядно демонстрирует, насколько серьёзно современная молодёжь относится к общественной деятельности и как важно изучать и поддерживать их активную гражданскую позицию.

Чтобы получить собственные данные по заявленной теме, мной было организовано и проведено анкетирование среди студентов САФУ. Исследование проходило весной 2025 года, а в опросе приняли участие учащиеся с первого по четвёртый курс. Выбор анкетирования в качестве основного метода был неслучаен — этот инструмент позволил охватить достаточно широкий круг респондентов и собрать информацию, на основе которой можно сделать объективные выводы.

Результаты оказались довольно интересными. Выяснилось, что подавляющее большинство студентов, а именно 87% от общего числа опрошенных, в целом знают о существовании в нашем регионе различных молодёжных организаций и сообществ. Этот факт сам по себе говорит о заметности таких объединений в студенческой среде. Более того, многие респонденты в ходе опроса выражали заинтересованность в том, чтобы лично поучаствовать в какой-либо активности, что, на мой взгляд, указывает на нереализованный потенциал для роста гражданской вовлечённости.

Особое внимание при анализе анкет я уделила вопросу реального участия. Оказалось, что две трети (66%) студентов уже так или иначе вовлечены в деятельность общественных объединений. Когда я смотрела на причины, которые они указывали, стало понятно, что движут ими в основном внутренние мотивы: искренний интерес к конкретным проектам, желание общаться с близкими по духу людьми и возможность проявить себя в неакадемической сфере. Это важный показатель, ведь устойчивая гражданская позиция часто формируется именно благодаря такой личной замотивированности.

По мнению самих участников опроса, опыт, получаемый в молодёжных объединениях, крайне ценен для их развития. Респонденты отмечали, что по-

добная деятельность помогает не только в приобретении практических «гибких» навыков вроде работы в команде или управления проектами, но и в более чётком профессиональном самоопределении. Лично мне кажется, что это напрямую связано с формированием ответственного отношения к жизни в обществе. Наиболее сильное влияние, судя по ответам, оказывают волонтерские инициативы, культурные и спортивные сообщества, а также различные образовательные платформы — именно они дают пространство для реальных дел и самореализации.

Конечно, в ходе исследования не удалось обойти стороной и существующие трудности. Студенты, даже те, кто активно участвует в жизни объединений, указывали на ряд проблем. Чаще всего звучали три: недостаточная информированность обо всех возможностях, нехватка материальных или организационных ресурсов у самих объединений и, что вполне предсказуемо, вечный дефицит свободного времени у студентов. Без решения этих вопросов, как мне видится, сложно будет раскрыть потенциал молодёжных объединений в полной мере.

Подводя итог эмпирическому этапу работы, можно утверждать, что проведённое анкетирование подтвердило высокий уровень вовлечённости студентов САФУ в общественную жизнь. Тот факт, что большая часть опрошенных не только знает о молодёжных объединениях, но и активно в них участвует, свидетельствует о значимости этого социального института. Через такую деятельность студенты действительно развивают социальную ответственность, лидерские качества и получают бесценный практический опыт. Однако выявленные системные барьеры (низкая информированность, ресурсные ограничения) требуют целенаправленного внимания как со стороны университета, так и со стороны региональных властей для создания более благоприятных условий развития молодёжных инициатив.

Таким образом, можно сделать вывод, что молодёжные объединения являются одним из более значимым фактором формирования гражданской активности студенческой молодёжи. Они предоставляют необходимые условия для

развития лидерских качеств, социальной ответственности и профессиональных компетенций. Дальнейшая поддержка и развитие этого института являются стратегически важной задачей для государства и общества, поскольку именно активная и ответственная молодёжь выступает гарантом устойчивого развития страны в будущем.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации».

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в ред. от 04.03.2026).

3. Баева Д. С. Молодёжь как особая социально-возрастная группа /Актуальные научные исследования: сборник материалов международной (заочной) науч.-практ. конф., (г. Краснодар, 7 апреля 2018 года). — Краснодар: НИЦ «Диктум», 2018. — 84 с.

4. Гуляев И. И. Гражданская и правовая культура российской молодежи: учебное пособие для вузов / И. И. Гуляев. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 124 с.

5. Милорава А. Р. Политическая активность российской молодежи на современном этапе / А. Р. Милорава. — Текст: непосредственный / Молодой ученый. — 2017. — № 14 (148). — С. 572-573.

6. Доклад о положении молодежи в российской федерации за 2024 год / Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) URL: https://colleagues.rgub.ru/files/rep_01-104-2.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

7. Федеральный реестр молодежных и детских общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой / Электронная библиотека «Молодёжь Содружества» URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/425> (дата обращения: 20.01.2026).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.124'373.23:611

ЦВЕТ В АНАТОМИИ: КАК ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ФОРМИРУЮТ НАШ ЯЗЫК ТЕЛА

Нозимова Манижа Махмадкосимовна

преподаватель кафедры латинского языка

ГОУ «Таджикский государственный медицинский университет
имени Абуали ибни Сино», Республика Таджикистан

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются прилагательные, обозначающие цвет, в анатомической терминологии. Цель – выявить прилагательные, обозначающие цвет, в анатомической терминологии. В статье анализируются прилагательные с обозначением цвета в латинском языке, сравниваются лексические единицы цветовых обозначений внутри языка и в системе анатомической терминологии, а также выделяются сходства и различия в использовании цветовых обозначений. Результаты показывают, что в латинском языке имеется обширный словарный запас для выражения хроматических и ахроматических тонов и оттенков, в то время как в анатомической терминологии могут использоваться дополнительные лексические единицы для обозначения цветов.*

***Ключевые слова:** компонент, анатомическая терминология, цвет, термин, латинский язык, функция, заболевания, организм*

***Abstract.** This article examines adjectives denoting color in anatomical terminology. The goal is to identify adjectives denoting color in anatomical terminology. The article analyzes adjectives denoting color in Latin, compares lexical units of color designations within the language and within the system of anatomical terminology,*

and highlights similarities and differences in the use of color designations. The results show that Latin has an extensive vocabulary for expressing chromatic and achromatic tones and shades, while anatomical terminology may use additional lexical units denoting colors.

Keywords: *component, anatomical terminology, color, term, Latin, function, disease, organism*

Анатомическая терминология – это сложный и точный язык, описывающий структуру человеческого тела. В этом языке, как и во многих других областях науки, цвет играет важную роль. Прилагательные, содержащие компонент цветообозначения, не просто добавляют живости описаниям, но и служат ключевыми идентификаторами, помогая различать схожие структуры и понимать их функции. Давайте погрузимся в мир анатомических терминов и исследуем, как цвета помогают нам ориентироваться в лабиринтах нашего тела.

Рассмотрим разные аспекты цветообозначений. В работах М. А. Бородиной и В. Г. Гака представлен исторический подход к изучению цветообозначений в латинском языке [5]. Для А. А. Брагиной интерес представляли аспекты образования новых значений слов и словосочетаний на основе цветовых определений, а также символика цвета [6]. Л. М. Грановская занималась изучением развития цветовых значений в лексических единицах, не обладающих таковыми первоначально [8], в то время как И. В. Макеенко рассматривала системные отношения между лексическими единицами цвета [9], а А. П. Василевич – способы выражения оттенков цвета в отдельных языках [6].

Цвет в анатомической терминологии может быть обусловлен несколькими факторами:

Естественный цвет тканей: многие ткани имеют характерный цвет, который обусловлен содержанием определенных пигментов или наличием кровеносных сосудов. Например, мышцы часто имеют красноватый оттенок из-за миоглобина, а кости – беловатый.

Функциональные особенности: цвет может отражать функцию структуры. Например, ярко-красные структуры часто связаны с активным кровоснабжением.

ем или мышечной активностью.

Визуальное различие: в случаях, когда структуры имеют схожую форму или расположение, цветовое обозначение становится важным инструментом для их дифференциации.

Исторические традиции: некоторые термины могли возникнуть исторически, основываясь на внешнем виде тканей в определенном состоянии (например, после фиксации или окрашивания).

Рассмотрим наиболее распространенные прилагательные с компонентом цветообозначения, встречающиеся в анатомической терминологии: *красный* – *ruber, bra, brum; erythro-* *красный, относящийся к эритроцитам* этот компонент часто указывает на наличие крови или высокую васкуляризацию; *nucleus ruber* - *красное ядро* парное ядро в среднем мозге, играющее роль в регуляции движений. Его название связано с характерным красноватым цветом, обусловленным высоким содержанием железа; *corpus rubrum* - *красное тело* в гистологии может относиться к структурам, имеющим красноватый оттенок, например, к остаткам фолликула яичника после овуляции (желтое тело, которое может приобретать красноватый оттенок); *erythrocyte* – *эритроцит* красная кровяная клетка, переносящая кислород.

Цвет *белый* *alba, leuko-* *относящийся к лейкоцитам*, а также этот компонент часто ассоциируется с нервной тканью из-за миелиновой оболочки, сухожилиями или костями: *substantia alba* – *белое вещество* является частью центральной нервной системы, состоящая в основном из миелинизированных нервных волокон. Миелин придает ему характерный белый цвет: *linea alba* – *белая линия* – средняя линия живота, образованная апоневрозами прямых мышц живота: *corpus albicans* – *белое тело* остаток желтого тела в яичнике после его регрессии.

Цвет *черный* – *nigra, melano-* этот компонент может указывать на наличие меланина или других темных пигментов: *substantia nigra* - *черное вещество* область среднего мозга, содержащая нейроны, вырабатывающие дофамин. Его темный цвет обусловлен пигментом меланином: *melanocyte* – *меланоцит* клетка,

вырабатывающая меланин.

Цвет *желтый* – *flava, lutea, chloro*- этот компонент может быть связан с жировой тканью, определенными пигментами или эластическими волокнами: *ligamentum flavum* - *желтая связка* – это эластическая связка позвоночника, которая придает ей желтоватый оттенок: *corpus luteum* – *желтое тело* временная эндокринная железа в яичнике, образующаяся после овуляции. Его цвет обусловлен накоплением липидов и пигментов: *macula lutea* – *желтое пятно* – область сетчатки глаза, ответственная за центральное зрение, содержащая пигменты каротиноиды.

Цвет *синий* – *caerulea, cyano*- этот компонент встречается реже и может указывать на наличие определенных соединений или на состояние тканей: *venae caeruleae* – *синие вены* термин, иногда используемый для обозначения поверхностных вен, которые кажутся синими из-за преломления света через кожу и подкожную клетчатку.

Цвет *зеленый* – *viridis, chloro*- этот компонент также встречается нечасто и может быть связан с определенными пигментами или продуктами распада; *bile* – *желчь* хотя не является анатомическим термином в строгом смысле, желчь имеет зеленоватый оттенок и связана с печенью и желчевыводящими путями.

Прилагательные с цветовым компонентом несут в себе не только описательную, но и функциональную информацию. Например, знание того, что *substantia alba* состоит из миелинизированных волокон, сразу же подсказывает нам о ее роли в быстрой передаче нервных импульсов, в отличие от *substantia grisea* серого вещества, где расположены тела нейронов. Понимание того, что *nucleus ruber* имеет красноватый оттенок, помогает нам связать его с регуляцией движений, где важна высокая метаболическая активность.

Кроме того, цветовые обозначения помогают в клинической практике. Например, изменение цвета тканей во время операции может указывать на патологические процессы, такие как ишемия (побледнение) или воспаление (покраснение). В гистологии окрашивание тканей различными красителями явля-

ется фундаментальным методом для выявления клеточных структур и патологических изменений.

Организм человека представляет собой единое целое, поэтому о состоянии здоровья человека можно судить по состоянию кожи, волос, по цвету мочи, языка и т.д. Большинство болезней характеризуются определенным лечебным цветом в медицине, разные цвета способствуют излечению некоторых болезней [3:2]. В латинском языке обозначения цветов представлены лексемами, представляющими хроматические тона, как, например, красный, желтый, синий и зеленый, и ахроматические тона – белый и черный [7:8].

Цвет в анатомической терминологии – это не просто эстетический элемент, а неотъемлемая часть языка, описывающего наше тело. Прилагательные с цветовым компонентом служат важными маркерами, помогающими нам различать структуры, понимать их функции и даже диагностировать заболевания. Изучение этих терминов позволяет нам глубже проникнуть в сложность и красоту человеческого организма, раскрывая, как даже самые простые характеристики, такие как цвет, играют ключевую роль в научном познании.

Латинский язык обладает обширным инвентарем выражения хроматических и ахроматических тонов, а также содержит дополнительные лексические единицы для обозначения оттенков базовых цветов и «цветные» термины необходимы для дальнейшего изучения в медицинской терминологии.

Список литературы

1. Афанасьев В. И. Основы латинского языка для медиков. – СПб.: СпецЛит, 2019. — 198 с.
2. Афанасьева, В. В. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник / В. В. Афанасьева. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 320 с.
3. Байдашева Э. М. Таксономия медицинских терминов заболевания и лечения с колоронимами в медицинской терминологии. Вестник Башкирского университета 2021. – Т. 26. – №1 – С. 171-178.
4. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цвето-

обозначения в языке / Вестник Челябинского государственного университета. 2008. – № 21. – С. 32-37.

5. Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л.: Наука, 1979. – 232 с.

6. Василевич А. П. Исследования лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем). М.: Наука, 1987. – 140 с.

7. Волкова М. Г. Способы обозначения цвета и света в художественных произведениях старофранцузского периода (XI-XIII вв.) и их переводах на современный французский язык: дисс... к. филол. н. М., 2007. – 180 с.

8. Грановская Л. М. Цветообозначения в истории русской лексики / Русская историческая лексикология: сб. статей / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1968. – С. 83-95.

9. Макеенко И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): дисс... к. филол. н. Саратов, 1999. – 258 с.

10. Муродова М. К., Ходжаева С. М. и др. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник / М. К. Муродова, С. М. Ходжаева и др. – Душанбе, 2024. – 317 с.

УДК 81.373.46:61(470)+811.124

**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ
МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ НА ЛАТИНСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ**

Нозимова Манижа Махмадкосимовна

преподаватель кафедры латинского языка

ГОУ «Таджикский государственный медицинский университет

имени Абуали ибни Сино», Республика Таджикистан

***Аннотация.** Медицинская терминология имеет много общего с терминологией других наук, но также обладает своими уникальными характеристиками. Заимствованная лексика и термины в медицинской терминологии в основном происходят из латыни, то есть имеют греко-латинское происхождение. Практически все медицинские термины считаются международными, поскольку их основой является латынь. Кроме того, термины из различных областей медицины взаимодействуют друг с другом и образуют уникальные семантические связи.*

***Ключевые слова:** медицинская терминология, взаимодействие, знаний, словообразовательный процесс, лексика, наука, происхождения*

***Abstract.** Medical terminology shares much in common with the terminology of other sciences, but it also has its own unique characteristics. Borrowed vocabulary and terms in medical terminology primarily derive from Latin, meaning they are of Greco-Latin origin. Almost all medical terms are considered international, as they are based on Latin. Furthermore, terms from various fields of medicine interact with each other and form unique semantic relationships.*

***Keywords:** medical terminology, interaction, knowledge, word formation, vocabulary, science, origin*

Медицинская терминология включает термины из различных областей медицины, таких как анатомия, гистология, физиология, патология, патофизиология, нозология, патологическая анатомия и другие. Терминологическая система представляет собой целостный набор языковых единиц, обозначающих ключевые определения конкретного понятия в конкретной области исследования и связанных логико-концептуальными, структурно-семантическими и формально-лингвистическими отношениями, а также сходными действиями словообразования и лексико-семантическими явлениями.

Необходимость популяризации медицинских знаний обусловлена изменениями в ключевых медицинских определениях и, как следствие, изменениями в способах взаимодействия врачей и пациентов. В рамках пациентоориентированного подхода к медицине важно выбирать методы, которые способствуют взаимопониманию и партнерству, что, в свою очередь, неизбежно приводит к повышению интереса к изучению медицинской терминологии.

Концепция медицинской терминологии сложна и обширна, она разделена на многочисленные взаимосвязанные подсистемы, взаимодействующие друг с другом. Термины внутри этих концепций проникают из одной системы в другую. Как известно, термины способствуют открытию новых знаний и служат отправными точками для развития и применения медицинских терминов. Ученые отмечают, что система медицинской терминологии сохраняет и преобразует профессиональные знания, которые врачи используют при общении с коллегами, пациентами и их семьями. Внутри терминологической системы старые концепции модифицируются, и появляются новые, которые «требуют словесного выражения, что достигается с помощью терминов, объединенных в терминологические системы». «В терминологическом словаре выделяют два уровня: общая терминология и узкоспециализированная терминология. Общая терминология характеризуется словами и терминами, используемыми в различных областях науки, например, медицина, устройство, инструмент, элемент и т. д. Термины, используемые в конкретной области науки, составляют узкоспециализированную терминологию» [2. с. 27–43].

Наличие высокоразвитой и обширной медицинской терминологии, специфика которой заключается в том, что наряду с научной системой терминов язык содержит систему повседневных терминов, приближающихся по статусу к терминам; знание этого субъязыка отличает врачей как отдельную социальную группу [2. с. 92]. С философской точки зрения, это «результат процесса познания реальности, проверенный социально-исторической практикой и подтвержденный логикой, ее адекватное отражение в человеческом разуме в виде идей, понятий, суждений, теорий» [3. 92-99]. Ведь слова возникают не просто так; за каждым словом стоит смысл, точка зрения, понимание, значение. Если в общем языке слово может быть многозначным, то, будучи включенным в специфическую терминологию, оно приобретает однозначность благодаря специализации области научного знания и ее ограничениям. Существование термина в рамках специализированной терминологии сочетается с окружающими словами, то есть с согласованными и противоречивыми определениями. Поскольку терминология опирается на интеллектуальную часть слова, ей не хватает выразительности. Поэтому, например, такие слова-термины, как «корешок» – *radicula, ae, f.*, «косточка» – *ossiculum, i, n.*, «кожица» – *cuticula, ae, f.*, «язычок» – *lingula, ae, f.* и т. д., содержащие уменьшительные суффиксы, которые помогают создавать уменьшительные слова в обиходной речи, отстранены от выразительности в терминологии [8, с. 89-100].

Произношение многих медицинских терминов основано на их греческом, латинском или другом иностранном происхождении. Однако существует тенденция произносить термины так, как они звучали бы в английском языке. Например, если термин в единственном числе оканчивается на суффикс *-a*, то множественное число обычно образуется путем изменения окончания на *-ae*: *capsula – capsulae; fibula – fibulae; fossa – fossae; lamina – laminae; crista – cristae; vertebra – vertebrae; arteria – arteriae, costa – costae; palma – palmae* и т. д.

Если слово в единственном числе оканчивается на суффикс *-ex* или *-ix*, то множественное число обычно образуется путем изменения этих окончаний на -

ices: appendix - appendices; index - indices и т. д.

Если слово в единственном числе оканчивается на суффикс *-is*, то множественное число обычно образуется путем изменения окончания на *-es*: *diagnosis* – *diagnoses*; *metastasis* – *metastases* и т. д.

Если слово в единственном числе оканчивается на *-itis*, то множественное число обычно образуется путем изменения окончания с *-is* на *-ides*: *arthritis* – *arthritides*; *meningitis* – *meningitides* и т. д.

Если слово в единственном числе оканчивается на *-nx*, то множественное число обычно образуется путем изменения окончания на *-ges*: *phalanx* – *phalanges*; *meninx* – *meninges* и т. д.

Если слово в единственном числе оканчивается на *-us*, то множественное число обычно образуется путем изменения окончания на *-i*: *musculus* – *musculi*; *alveolus* – *alveoli*; *malleolus* – *malleoli*; *nasus* - *nasi* и т. д.

Термин должен легко образовывать производные термины, создающие рациональное и осмысленное семейство терминов. Например, термин «*arthron*» *сустав*, образованный с помощью суффиксов, дает *артрит* (*воспаление сустава*), *заболевание суставов* и так далее.

В медицинской терминологии суффиксы обычно, но не всегда, указывают на процедуру, состояние, расстройство или заболевание.

Общность в однозначном понимании терминологии, даже при различном звучании и грамматическом оформлении терминов в каждом отдельном языке, является необходимым условием для понимания сути вопроса при чтении литературы по конкретной специальности, написанной на языке, незнакомом читателю.

Характерной чертой медицинской терминологии является сохранение и использование древнего наследия, то есть слов и словообразовательных моделей, а также элементов греческого и латинского языков. Это использование обусловлено, во-первых, развитием научного метода познания в античный период, который в медицине ассоциируется с именем Гиппократ; во-вторых, прямыми значениями греческих и латинских слов стало использоваться в пере-

носном смысле как термины.

Таким образом, по мере развития той или иной области человеческой деятельности возникают, закрепляются, консолидируются определенные термины, которые могут даже трансформироваться из одного значения в другое, устаревая или исчезая. Их функционирование определяется историей, культурными и историческими традициями. Можно предположить, что вся история медицинской терминологии характеризуется определенными тенденциями, формированием и последующим развитием национальной медицинской терминологии, основанной на терминах греко-латинского происхождения, а также переводами трудов древних врачей и методической работой, направленной на оптимизацию преподавания медицинской терминологии.

Список литературы

1. Денис Л. А. Специфика составного термина в частноотраслевой терминосистеме/ Л. А. Денис Л. А.: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1986. 19 с.
2. Киселева, Л. А. Терминология профессионально-языковой картины мира областей медицины «акушерство» и «гинекология» / Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы II международной научно-практической конференции. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – С. 185–192.
3. Киселева, Л. А. Классификация терминов предметных областей медицины акушерства и гинекологии / Л. А. Киселева / Термины в коммуникативном пространстве: материалы научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике», г. Астрахань, 11.05.2018. – Астрахань: Изд-во Астраханского ГМУ, 2018. – С. 212–217.
4. Лашкова, Г. В. Аббревиация как один из способов пополнения терминологического фонда современных языков. /Г. В. Лашкова/- Саратов, 1983. - 240 с.
5. Лейчик, В. М.–Терминоведение: предмет, методы, структура. /В. М.

Лейчик – М. Изд-во ЛКИ, 2007. С. 17-19.

6. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. / Д. С. Лотте/ - М., 1982. - 147 с.

7. Мешков, О. Д. Словообразование в современном английском языке. / О. Д. Мешков/ – М.: Высшая школа, 1985. – С. 27–30.

8. Corbin D. French (Indo-European: Romance). In: Gooij G, Lehmann C, and Mugdan J, eds, Morphology. An International Handbook on Inflection and Word Formation, (vol1), New York. Walter de Gruyter, 2000.

УДК 811.124'373.46:58

БОТАНИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА РАСТЕНИЙ

Холматова Мастурахон Юлдошевна

преподаватель кафедры латинского языка

ГОУ «Таджикский государственный медицинский университет

имени Абуали ибни Сино», Республика Таджикистан

***Аннотация.** Актуальность темы в том, что, интерес к применению лекарственных растений обусловлен тем, что из года в год в нашей стране возрастает интерес к ним и препаратам из них. Ученые изучают растения, стараясь найти ценные лекарственные виды, проводят углубленные исследования давно известных и широко используемых лекарственных растений, чтобы выявить новые возможности для их применения в медицинской и ветеринарной практике. Фитотерапия – использование лекарственных растений в медицинских целях. Это особенно важно в настоящее время, когда встает вопрос о бережном отношении к природе. В общем понятии «охрана окружающей среды» важен вопрос об охране не только растительности, но и отдельных растений. Поэтому необходимо знать те растения, которые в первую очередь должны находиться под охраной.*

***Ключевые слова:** растений, здоровье, латинский язык, лекарственные препараты, рецепт, медицина*

***Abstract.** The relevance of this topic lies in the growing interest in medicinal plants and their preparations in our country, which is growing year after year. Scientists study plants, seeking valuable medicinal species, and conduct in-depth research on well-known and widely used medicinal plants to identify new applications in medical and veterinary practice. Phytotherapy is the use of medicinal plants for medical purposes. This is especially important today, when the issue of respecting nature*

arises. The general concept of «environmental protection» includes protecting not only vegetation but also individual plants. Therefore, it is important to know which plants should be protected first.

Keywords: plants, health, Latin, drugs, prescription, medicine

Мир растений – величайшее чудо природы. Лекарственные растения прошли через века, дарили здоровье десяткам поколений и по,прежнему продолжают лечить больных. На протяжении многих столетий в медицине в названиях лекарственных средств, традиционно используется латинский язык. Основные фармацевтические понятия – лекарственное сырье-части растений, органы животных, а также продукты минерального, бактериального и грибкового происхождения. Из растительного сырья приготавливаются многие лекарственные препараты: настои, настойки, отвары, экстракты и др. При их прописывании указывается и название растения, и название той его части, из которой необходимо изготовить данный препарат. Название растений всегда пишется с заглавной буквы, а частей растений – со строчной, если не начинают строку в рецепте. Некоторые названия растений древнегреческого происхождения сохраняют греческие окончания именительного или родительного падежей, поэтому при звучании лексического минимума следите со словарной формой. Например, зверобой – *Hypericum, i. n.* или же девясил – *Inula, ae, f.* и т.д.

В качестве лекарственного растительного сырья используют различные части растений. Так в медицине используют почки (*gemmae, arum, f.*), плоды (*fructus, us, m.*), семена (*semen, inis, n.*), корни (*radix, icis, f.*), корневища (*rhizome, atis, m.*), цветки (*flos, floris, m.*) и др., например, части растений в предложениях – почки березы, кора крушины, цветки бессмертника, листья подорожника, трава пустырника, плоды шиповника, семена льна, корни женьшеня, корневища валерианы.

В домашних условиях народные врачеватели из лекарственного сырья обычно готовят настои, отвары и настойки. Часто они количество сырья берут на глаз, поэтому ошибочно думать, что народные средства являются безопасными. При неумелым или неумеренном употреблении любое лекарственное

растение может нанести вред больному. В обиходе фрукты и овощи нередко называют витаминами. Фруктово-ягодные, плодово зерновые, овощные и дикорастущие съедобные растения содержат большое количество биологически активных веществ, многие из которых считаются могущественными источниками здоровья и жизненной силой организма. Среди них на первом месте находятся витамины.

Термин «витамин» (от лат. слова *vita* - жизнь и *amin* – NH группа). Фрукты и ягоды являются основным витаминсодержащим источником. Витамины – органические соединения различного химического состава, необходимо для нормального развития и роста организма человека и животных. Известно около 20 видов витаминов. Каждый из них отличаются друг от друга и поэтому один витамин не может заменить другого. Например, B1 – тиамин; B2 – рибофлавин; B3-фолиевая кислота; B12- цианокоболамин; B15 – пангамовая кислота; F- полиненасыщенные жирные кислоты (линолевая, линоле) и другие. Третья составляющая часть нашего организма – это минералы. Среди таджиков бытует такая поговорка: «Все, что имеется в природе, содержится и в человеке». Минеральные соли входят в состав твердых и мягких тканей, крови, лимфы, желчи, пищеварительных соков и других жидкостей организма. Они считаются необходимыми компонентами для нормальной жизнедеятельности организма и обмена веществ.

Бессмертник | *Helichrysa* - Лекарственным сырьём служат цветки. При сборе нельзя вырывать растения с корнями. Бессмертник (*Helichrysum*, или Цмин песчаный) – это ценное лечебное растение семейства Астровых, известное желчегонными, спазмолитическими и противовоспалительными свойствами, активно используемое в народной медицине для лечения заболеваний печени (гепатит, холецистит, желчнокаменная болезнь) и желчного пузыря. Собирают цветущие верхушки, богатые флавоноидами, смолами, эфирным маслом, что улучшает желчеотделение, пищеварение, обладает бактерицидным эффектом и помогает в детоксикации организма.

Отвар из соцветий бессмертника через рот

decoctum ex florum Helichrisa per os

decoctum, i, n

flores, florum, m

Helichrisa, ae, f

Девясил \ Inula. Многолетнее травянистое растение семейства сложноцветных - Compositae. Состав: эфирное масло, алантоновая кислота, алантол и проазулен, инулин, псевдоинулин, витамин E, сапонины, смолы, слизи, пигменты и фолиевая кислота. Девясил высокий растет во влажных местах по берегам рек и горных ручьев, на высокотравных лугах, лесных полянах, в зарослях кустарника. Лек. сырьём служат корни и корневища. Препараты девясила обладают отхаркивающим и противовоспалительным действием. По описанию Ацицены, девясил (отвар и сироп из корней) очищает грудь, гонит мочу, укрепляет сердце. Благодаря его горячей и сухой натуре.

Отхаркивающая микстура Девясила для детей

mixtura Inulae expectorans pro infantibus

mixtura, ae, f

Inula, ae, f

expectorans, ntis

Зверобой \ Hypericum

Растет на лугах, холмах, в долинах рек, на лесных полянах и опушках. Лек. сырьём служит трава. Собирают её во время цветения. Хранят в мешках, стеклянной или деревянной таре 2 года. Отвары и спиртовые настои зверобоя назначают как антимикробное, вяжущее и противовоспалительное средство. Многолетнее травянистое растение семейства зверобойных – *Guttiferae*. Состав: флавоноид, гипарин, рутин, эфирное масло, смала, антоцеан, никотиновая кислота, холин, фитонциды, красящее вещество, гиперидин.

Настой травы Зверобоя

infusum herbae Hyperici

infusum, i, n

herba, ae, f

Hypericum, i, n

Зира \ *Bunium persicum*

Многолетнее травянистое растение. Семена зиры на Востоке широко применяются в качестве специй к основным блюдам. Семена зиры широко применяются при хронических заболеваниях желудка, кишечника (колит), печени (желтуха), хронических холангитах, при отеках, а также для лечения почечнокаменной болезни. Чай из семян зиры (зира чай) считается популярным средством, повышающим аппетит. Состав: эфирное масло, белковое вещество, минералы и др. соединения.

Семена зиры

Semen Bunium persicum

semen, inis, n

Bunium, i, n

persicum, i, n

Растительный мир является доступным и одновременно дешевым источником получения целебных средств, созданной самой природой. С давних времен люди знали и широко использовали их для лечения различных заболеваний и в качестве лечебно-диетического средства. Опыты древней и народной традиционной медицины не утратил своей ценности и в наши дни. Благодаря многочисленным трудам древних медиков, что открывает перед нами большие возможности в решение вопросов, связанных с лечением и профилактикой ряда патологий человека.

Зернобобовые, фруктово-ягодные, овощные и съедобные растения представляют собой величайшие дары природы, обеспечивающие человека не только пищей, но многочисленными биологическими активными веществами, бла-

годаря которым осуществляется естественный рост и развития организма. Человеку свойственно не останавливаться на достигнутом, так как он использовал все возможности, чтобы сохранить и преумножить естественные запасы пищевых растений. Благодаря труду и разумному подходу человека появились десятки культивированных сортов пищевых растений, созданы сотни зернобобовых, фруктовых и овощных культур, отличающихся от своих дикорастущих предков высокой урожайностью, питательными свойствами, а в отдельных случаях скоростью созревания и стойкостью к различным отрицательным воздействиям факторам внешней среды. Изучены многие стороны лекарственных растений, но необходимо помнить, что некоторые из них содержат не только полезные, но и отрицательные стороны, что приводит к отравлению или к тяжелым заболеваниям внутренних органов. Уровень информированности населения о свойствах лекарственных растений является недостаточным, что требует более тщательного изучения данных вопросов с помощью специальной литературы и консультация врачей. Современная фармакогнозия продолжает изучать не только полезное, но и отрицательное свойства фруктов, овощей и пищевых растений. А также изучает правила их сбора, обработки и хранения.

Список литературы

1. Нуралиев Юсуф Н. «Лекарственные растения. Целебные свойства фруктов и овощей» Душанбе: «Маориф», – 1988.
2. Муродова М. К и др. «Латинский язык и основы медицинской терминологии», учебник. Душанбе. – 2024.
3. Кондратьев Д. К. и др. «Латинская фармацевтическая терминология и рецептура» учебно-методическое пособие. Гродно. – 2007.
4. Сидорова Н. А Латинский язык в медицине: традиции и современность. / Вестник медицины. – 2021. – №4. – С. 35-40.
5. Живов В. М. Латинский язык и основы медицинской терминологии. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. – 256 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ У СТУДЕНТОВ

Щетинина Алёна Андреевна

бакалавриат

Научный руководитель: Гриднев Максим Станиславович,
ст. преп.

ФГБОУ ВО «Воронежский Государственный университет»,
город Воронеж

***Аннотация.** В статье изучены особенности формирования уверенности в себе у студентов, в частности рассмотрены различные точки зрения авторов по данному вопросу. Изучены различные феномены такие как факторы формирования, механизмы, методические подходы, современные тенденции.*

***Annotation.** The article examines the features of the formation of self-confidence among students, in particular, the various points of view of the authors on this issue are considered. Various phenomena such as formation factors, mechanisms, methodological approaches, and current trends have been studied.*

***Ключевые слова:** уверенность в себе, студенты, формирование личности, образовательная среда, профессиональное становление, саморазвитие*

***Keywords:** self-confidence, students, personality formation, educational environment, professional development, self-development*

В период студенчества происходит социализация человека, он активно ищет свое место в обществе, развиваются высшие психические функции, происходит становление личности. Взрослеющий человек познает на качественно новом уровне физический мир и совсем по-другому начинает выстраивать вза-

имоотношения с окружающими, пробуя себя в новых ролях [2].

Студенчество составляют молодые люди, основной вид деятельности которых - учеба в специализированном учреждении, направленная на овладение специальностью, имеющие единые цели и мотивы, в возрасте от 17 до 25 лет с единым образовательным уровнем в определенный период времени. К отличительным чертам студенчества относится характер труда, который заключается в приобретении новых умений, знаний и навыков. Студенчество является заключительным этапом формирования взрослого человека, именно поэтому так важно формирование в этом возрасте уверенности в себе [2].

У взрослого человека, не обладающего таким качеством, как уверенность в себе, впоследствии возникают проблемы как в личной, так и в профессиональной сфере. Сомнения в собственных силах заставляют предпринимать много неоправданных действий или медлить, испытывать значительное влияние на решения мнения окружающих.

В современных условиях развития высшего образования проблема формирования уверенности в себе у студентов приобретает особую актуальность. Уверенность в себе является ключевым фактором успешной профессионализации и личностного развития молодого специалиста, определяющим его способность к самореализации и профессиональному росту [3].

Уверенность в себе — переживание человеком своих возможностей, как адекватных тем задачам, которые перед ним стоят в жизни, так и тем, которые он ставит перед собой сам. Уверенность в себе в каком-либо виде деятельности имеет место в тех случаях, когда самооценка человека в этом виде деятельности соответствует его реальным возможностям. Если самооценка выше или ниже реальных возможностей, имеет место, соответственно, самоуверенность или неуверенность в себе. Уверенность в себе (равно как неуверенность или самоуверенность) может проявляться в отдельных видах деятельности или отношениях к действительности, но может стать и устойчивым качеством личности, распространяясь на те виды деятельности, в которых у человека нет еще опыта.

Воспитание уверенности в себе заключается в формировании у человека

адекватных, соответствующих его возможностям притязаний и самооценок. Это имеет большое значение для развития способностей, а также для формирования всех сторон личности человека, и прежде всего его эмоциональной сферы. Неуверенность в себе и самоуверенность часто связаны с отрицательными эмоциональными переживаниями, тормозящими и искажающими нормальный ход психического развития человека.

Уверенность в себе представляет собой комплексное личностное образование, включающее в себя ряд взаимосвязанных компонентов: адекватную самооценку, веру в собственные силы, способность к самостоятельной деятельности, готовность к принятию решений и устойчивость к стрессовым ситуациям. Формирование данного качества происходит под влиянием множества факторов, действующих как внутри образовательной среды, так и во внешнем социальном контексте [8].

Проблема формирования уверенных форм поведения у студентов в процессе обучения недостаточно глубоко изучена в психологии. Несмотря на большое количество имеющихся программ тренингов и практикумов, в науке на сегодняшний день отсутствуют точные методические рекомендации педагогам по отбору методов и приемов работы с данным феноменом [5; 6; 7]. Можно выделить лишь несколько положений, обозначенных О. А. Федосенко, на которые она предлагает опираться при организации работы по развитию уверенных форм поведения в юношеском возрасте. Во-первых, необходимо учитывать, что развитие уверенности не является линейным и равномерным процессом: оно осуществляется через преодоление кризисов и может идти как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении. Во-вторых, уверенность развивается в процессе всей жизни человека и актуализируется в разных социальных средах [9].

Факторы формирования уверенности в себе можно разделить на две основные группы. К внешним факторам относятся образовательная среда, система взаимоотношений в группе, качество педагогического взаимодействия, социально-психологический климат и возможности для самореализации. Внут-

ренние факторы включают личностные особенности, когнитивные способности, эмоциональную устойчивость, волевые качества и мотивационную сферу [1].

Механизмы данного феномена реализуются через успешную учебную деятельность, получение позитивной обратной связи, развитие профессиональных компетенций, формирование навыков саморегуляции и социальное признание достижений. Особенно важную роль играет создание ситуаций успеха и поддержка инициативы студентов [4].

В процессе обучения студентов важно развивать формы уверенного поведения, что способствует формированию социальной компетенции, удовлетворенности собой.

Список литературы

1. Василенко Т.Д. Психологические особенности формирования уверенности в себе у студентов / Психологическая наука и образование. 2021. Т. 23. № 1. С. 56-64.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для студентов по пед. и психол. направ. и спец. М.: Логос, 2000. С. 384.
3. Ильин Е. П. Психология уверенности в себе. СПб.: Питер, 2020. 288 с.
4. Никитина О. П. Особенности формирования уверенности в себе у студентов / Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 136-142.
5. Ромек, В. Г. Тренинг уверенности в межличностных отношениях. [Текст] / В. Г. Ромек. СПб.: Речь, 2007. – 175 с.
6. Серебрякова, Е. А. Уверенность в себе и условия ее формирования у школьников: автореферат диссертации... к.пс.наук: 19.00.05 [Текст] / Е. А. Серебрякова. – М., 1955. – 15 с.
7. Смит, М. Дж. Тренинг уверенности в себе. [Текст] / М. Дж. Смит. СПб.: Речь, 2001. – 242 с.
8. Столяренко Л. Д. Психология личности. М.: Юрайт, 2019. 375 с.
9. Федосенко, О. А. Уверенность в себе как профессионально важное ка-

чество менеджера и особенности его становления в вузе: автореферат диссертации... к.пс.наук: 19.00.05 [Текст] / О. А. Федосенко. – Самара, 2007. – 24 с.

**«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»**

XVII Международная научно-практическая конференция

Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО

(Подразделение НИЦ «Иннова»)

353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,

ул. Весенняя, 8, оф. 1

Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82